

К84/2рос-влаи = 2Мер/
А28

АДАРТАСОВА Т.П.

**ВЕРА,
МУЖЕСТВО,
ПОБЕДА,
ЖИЗНЬ...**

Г.МЕГИОН

2011 Г.

Листок срока возврата книг

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ**
указанного здесь срока

--	--

К84(2Рос = 6Хан = 2Мер)
А 28

Т.П. АДАРТАСОВА

**ВЕРА,
МУЖЕСТВО,
ПОБЕДА,
ЖИЗНЬ...**

**г. МЕГИОН
2011**

Детей, видевших и переживших Великую Отечественную войну, остаётся всё меньше. Таисия Петровна Адартасова одна из них, которая с помощью дара слова отразила пережитое в детстве и в последующей жизни. Читая ее воспоминания и стихи, я сопереживаю с ней лютые годы и испытания, выпавшие на долю нашего народа.

Дьякон Виталий ПЕТРОВ
Храма «Покрова Божьей Матери»

Читая стихи Адартасовой Т.П., получаю вдохновение.

Стихи – многогранные, многотемные, помогающие матерям в правильном воспитании своих детей; учителям – дать умелое наставление подрастающему поколению; служащим – быть исполнительными, быть честными, быть человеком на земле в духовном начале.

Постоянный читатель,
тифлопедагог с незрячими детьми
Олина Байрамовна ДАВЛЯТОВА

Когда я читала эту книгу, главным чувством было удивление перед ужасом прожитого маленькой девочкой во время войны, жившей в оккупации, и неоспоримой достоверности написанного.

Таисия Петровна – дитя войны, и ей не безразлична судьба будущих детей.

Эхо войны до сих пор ощущают наши внуки «Стреляют.. Боюсь!»

Эта книга необходима для наших детей, чтобы они прочувствовали всё то, что пережили дети войны и их родители. Чтобы они поняли настоящие ценности жизни.

Нина Калумбовна АЛЕКСАНДРОВА
«Почётный работник общего образования
Российской Федерации»

АДАРТАСОВА Таисия Петровна родилась в с. Юрки, Козельщанского района, Полтавской области.

С сентября 1941 года по 23 сентября 1943 года — годы оккупации г. Полтавы, где она проживала.

Образование высшее: Харьковский институт инженеров железнодорожного транспорта, строительный факультет. Заочный народный университет искусств им. Н. Крупской, станковая живопись г. Москва.

В настоящее время пенсионерка, инвалид.

Я искренне благодарна за духовную поддержку настоятелю и иерею Храма «Покрова Божьей Матери» отцу Ростиславу, а так же Отцу Виталию — дьякону Храма.

За материальную и организационную поддержку ЗАО ПП «Система».

За техническую помощь Ходыреву Рушану и Адартасову Александру.

Дай Бог всем здоровья, Божьей Благодати и Любви.

ВОЙНА И ДЕТСТВО

Никто даже не предполагал, что через каких-то два месяца после вероломного нападения Германии на Советский Союз, немцы войдут в Полтаву. Война... Кто не воевал прежде, особенно дети, даже не представляли, насколько это страшно. Война — это трагедия жизни. И не дай Бог, чтобы мои или чьи-то дети и внуки испытали эти ужасы, прошли, опаленные, сквозь ее огонь и смерть.

В 1941 году мне было только 9 лет. До войны закончила второй класс. Старшим братьям и сестре — соответственно 10, 12 и 14 лет. Жили, как все: учеба, друзья, детские радости и печали. Но больше — радостей.

И вдруг — война... Отец сразу же ушел на фронт... Мы понимали, что что-то случилось страшное; видели, как мама все чаще и чаще на коленях стоит у икон, вздрагивающие ее плечи, согнувшуюся спину. Она как-то сразу постарела на десятки лет. Я толком не понимала, что это значит, да и братья и сестра вряд ли представляли, какие ужасы и испытания выпадут на наше детство. Нам казалось, Германия от нас далеко, что война где-то там, что это просто дурной сон... Стоит только проснуться... Но голос диктора Левитана, доносящийся из репродуктора, возвращал нас к действительности: — Говорит Москва. От советского Информбюро. За истекшие сутки продолжались ожесточенные бои.... Наши войска понесли большие потери: живой силы..., самолетов..., танков... После упорных боев сдан город...

Старики, матери, дети утирали слезы, горбились, боясь смотреть друг другу в глаза... Полтаву начали бомбить почти с самого начала войны. Мы, дети, выбегали во двор и следили за немецким бомбардировщиком и за маленькими облачками взрывов от наших зениток вокруг самолета, за скрещивающимися лучами прожекторов, шаривших по вечернему небу в поисках гудящего гада. И сколько было радости, когда «фриц» попадал в перекресток лучей, и зенитки сбивали его. И не обращаешь внимания в эти минуты на оглушающий рев падающей бомбы, на сыпавшиеся осколки от разрывающихся снарядов...

– Ура! Сбили! Так вам и надо, фашисты проклятые! Сволочи! Туда вам и дорога! – кричали все с восторгом.

Где-то через полтора месяца местные власти и части войск, что еще базировались в Полтаве, ночью оставили город. Три дня было безвластие: ни наших, ни немцев. Все жители заперлись по домам и в страхе, сквозь занавески, посматривали на улицу. Прошел слух: «В магазинах осталось много продуктов и других товаров!» Сейчас трудно судить, почему многие стали грабить магазины. С одной стороны – все равно фашистам достанется; может быть, мародерство – не упустить подходящий случай; чувство голода и желание выжить.

Кто тащил мешки с крупами и сахаром, кто – рулоны всевозможных тканей, а кто выстраивался в очередь за буханкой пеклеванного хлеба. Один мужчина стал проталкиваться без очереди. Люди возмутились, стараясь его не пропустить. Человек злобно выругался:

- Вы, – кричал он, обращаясь ко всем собравшимся, – все были у нас (?) в мешке – осталось только зашморгнуть! Но немец помешал!

Всех будто ошпарило кипятком:

- Это ты-то хотел нас в мешке удавить?! Ах ты, мразь подколотая!

Разъяренная толпа набросилась на мерзавца. Его били и руками, и тем, что подвернулось под руки. Он вырвался, убегая от негодующей очереди, для которой хлеб стал не так уж важен, когда перед ними появился закоренелый предатель и был так же ненавистен собравшимся, как и немцы, но более коварен, чем фашисты.

Немногим удалось донести домой набранное в магазинах. Немецкие самолеты носились над городом и косили из пулеметов всех, кто появлялся на улицах. Всюду слышались крики, плач и стоны. Рядом с ранеными и убитыми лежали изрешеченные и окровавленные тюки и мешки... Мама утром тоже пошла за хлебом, строго-настрого запретив нам выходить на улицу. Домой возвратилась, когда стемнело. Уставшая, с трудом перешагнула порог. Немного постояв у двери, прошла в комнату и положила на стол булку хлеба. Ничего не рассказывая, подошла к иконе и опустилась перед ней на колени. Гораздо позже мы от нее узнали о случившемся в очереди, но о том, как сама осталась живой, она молчала. На наши вопросы коротко ответила: «Спасибо Господу... Спас...» И Господь нас спасал...

До войны мы жили в полуподвальном помещении. Окна на две третьих входили в приямок глубиной до семидесяти сантиметров, и только в пределах тридцати сантиметров — над тротуаром, и мы могли видеть чьи-то ботинки и туфли, шагающие мимо них. Прямо по ступенькам вниз — подвал, где соседи хранили овощи, а налево — дверь в наше жилище. Одна комната — подвальная сырость, стены черные и без конца облупливаются от влаги. И... тарантулы, черные, лохматые, огромные. Мы от пауков отбивались веником, а они, как собаки, гнались за нами и прыгали в высоту на полметра, цепляясь за веник.

У соседа дяди Васи была голубятня и, конечно, — голуби. Чуть свет он их подбрасывал вверх, размахивая длиннущим шестом, и свистел. Однажды он так увлекся, что не заметил позади себя открытого канализационного колодца — так и нырнул в него. Жена обеспокоилась пропажей мужа, вышла во двор, стала звать и слышала его голос, идущий из-под земли. Ничего... Жив был, правда, ушибся...

Перед уходом на фронт дядя Вася оставил голубей моему брату Юре, попросил за ними присмотреть и сбересть до его возвращения.

Что может быть лучше для мальчишек?! Ну, конечно же, — голуби! Алеша и Юра целыми днями сидели в голубятне. По утрам, прихватив с собой по паре голубей, бежали на «Красную площадь» (так называли мы рядом расположенный сквер) и там, подбрасывая их, заливались разбойничьим свистом. Но это длилось недолго...

- Немцы! Немцы! — разнеслись тревожно предупреждающие крики соседей. Юра и Алеша тут же выбежали во двор и кинулись к голубям. Срочно стали переносить их в подвал. Люди попрятались по квартирам и заперлись. Первые дни даже не подходили к окнам. Только сквозь стекла слышалась, режущая слух, каркающая речь... Грохот машин и мотоциклов вызывали страх и ужас. Мы почти неделю не выходили и не выпускали голубей. Первой «разведку» рискнула сделать мама, взяла ведра и отправилась по воду. Это сейчас благоустроенные квартиры и в каждой есть вода, центральное отопление. А тогда воду приносили из уличных колонок и топили печи... Мы с нетерпением ждали ее возвращения. Поглядывали в окна — когда же покажется мамина обувь?.. А вот и мама... Лицо растерянное...

- Ну, що? Ти їх бачила? Які вони? Що робили? — засыпали мы ее вопросами, заглядывая маме в глаза. — Ну, що ти мовчиш? Ми можемо вийти в двір?

- Бачила... та далеко... Які вони — не знаю... Біля колонки говорила з сусідами... Вони і самі нічого не знають. Дітей на дворі не бачила... Вийдіть на хвилинку, пока німців немає. Та з двору нікуди не виходьте...

Я и братья тут же вышли во двор. Старшая сестра отказалась. Так изо дня в день мы «осваивали» территорию нашего двора. На глаза немцам старались не попадаться и, как зайцы, наблюдали за ними из какого-нибудь укрытия. Люди как люди, но что-то в них было пугающее... То ли презрение, испытывающий взгляд, то ли жесткие глаза, от которых становилось холодно. И одновременно было смешно, когда они колонной маршировали в одних трусах, а на ногах — сапоги с широченными голенищами, от чего у них ноги казались тонкими, как палки. Спрятавшись в кусты, смотрели, как они гарцевали на лошадях по «Красной площади», которые почему-то все время пукали.

...До войны Полтава была одноэтажным, утопающим в садах, небольшим красивым городом, к тому же — памятником истории Петровской эпохи. В нем — более десяти памятников Полтавской битвы, неповторимый по своей красоте и архитектуре краеведческий музей. Были и двух-трехэтажные дома, в основном, — административные и школы. В общей сложности — не более четырех десятков.

Одно из трехэтажных зданий построили перед самой войной напротив домика, в котором мы жили. Вот это здание немцы использовали под свой штаб. Место, на мой взгляд, выбрали удачное: оно располагалось в конце улицы, дальше — сквер «Красная площадь», который позже фрицы вырубili; за сквером — колокольня Успенского собора, а еще дальше, над обрывом — Белая беседка, которую построили (правда это или нет — не знаю) на том месте, где когда-то Петр Первый наблюдал за ходом Полтавской битвы. Полтава расположена на высоком берегу реки Ворскла, и место с беседкой — самое высокое. За ней шел крутой спуск к реке, переходящий на 2-3 километра в долину, идущую прямо к Ворскле. С Белой беседки весь спуск, долина и река видны как на ладони. Немцы разрушили её, установив на том месте прожектора и зенитки.

...С начала оккупации города уже прошло два месяца... Довоенные мизерные запасы продуктов давно закончились... И, хочешь-не хочешь, голод гнал нас за пределы двора. Рвали крапиву и лебеду, рылись в немецких мусорных кучах в поисках картофельных очистков и другой, пусть гнилой, но все же снеди. А Юре еще надо было чем-то кормить голубей... Длительный срок они в подвале... И он, наконец-то, решился рано утром, хотя бы по паре дать птицам возможность полетать. Задними дворами с голубями за пазухой брат выходил поближе к Белой беседке и там подбрасывал их вверх. Вскоре это плачевно закончилось для нас и гибелью — для голубей...

Как-то утром Юра пропал. Не пришел он ни днем, ни вечером, ни ночью. Я и Алеша обошли соседние дворы, расспрашивали детей и взрослых, но никто ничего не знал и его не видел. И все же я думала, что Алеша что-то знает... Как-то он и Юра вернулись домой поздно вечером, долго шушукались, а потом мне показали небольшого бронзового орла с распростертыми крыльями. Они признались, что его скрутили с немецкой машины. Хорошо, что не попались, а то бы им не поздоровилось. Конечно, мы его спрятали и от немцев, и от мамы. До сих пор этот орел у меня. Вот именно из-за него я и решила, что Алеша что-то скрывает и боится в этом признаться... Ночью никто спать не ложился. Мама, стоя на коленях, всю ночь прислушивалась к шагам на улице и чужой речи немецких патрулей. Наступило утро...

- Мама! Мама! Юрині ноги!.. Мимо вікон... З ним два фріца... їх... чоботи...

Юра что-то говорил немцам своей скороговоркой. Порой мы сами не успевали его понять. Мы кинулись к двери — Юра с немцами уже спускались в наш подвал, где жили голуби... Мы не понимали, что потребовалось фрицам в нашем подвале. Старший брат был взволнован и сбивчиво объяснял:

- Вони не поштові! Німці думають, що голуби поштові... Та вони ж не поштові!.. Вони мені не вірять... Нехай подивляця? — размазывая по щекам слезы, твердил одно и то же Юра.

Немцы проверили лапки у всех голубей. После осмотра каждого, не выпускали, а отрывали им головки. Мы были в шоке... За что их убили? Слезы бежали по нашим щекам... Протестовать бесполезно.

Завершив кровавую расправу над птицами, немцы спокойно сказали маме: «Матка, кушайт», — и кивнули в сторону окровавленных тушек, валявшихся у них под ногами.

Мы их не ели, хоть и есть было нечего. Пришла соседка, собрала трупики и унесла с собой. Не уберегли мы голубей — некого вернуть будет дяде Васе, когда тот вернется после войны. Тогда даже не предполагали, сколько продлится война, как долго фашисты будут в Полтаве, сколько испытаний выпадет на нашу долю, вернется ли живым наш отец и сам дядя Вася. А дядя Вася так и не вернулся — погиб. Что произошло в то утро, когда исчез Юра, рассказал он сам:

- Я тільки прийшов на бесідку, вийняв із пазухи голубів і хотів підкинути, як біля мене зупинилась легкова машина. Із неї вийшов німець, заштовхнув мене в машину і забрав голубів... Мене кудись везли, щось запитували, били... А я не знав, за що вони б'ють і чого хочуть... Потім один показав на голуба і сказав: «Поцта?»

Конечно, немцы видели, что они не почтовые, но Юру задержали на всю ночь, чтобы утром проверить остальных голубей.

- Що я скажу дяді Васі? — плакал брат.

После случившегося мы стали выходить во двор только в отсутствие немцев. Я и Алеша были добытчиками съестного. Как-то вечером мы шарили со стороны нашего двора под забором. С обратной стороны, в бывшем одноэтажном здании «Палаты мер и весов», жили немцы. И надо же, как раз в это время на крыльцо вышел немец. Убежать мы не успели и прижались к забору. Минуты три он курил, и мы выдели огонек его сигареты. Потоптавшись на крыльце и посмотрев по сторонам, ушел. Значит, нас не увидел... Но только мы собрались убежать, как он снова появился, держа что-то в руке.

- Ком! Ком! — обратился к нам немец. — Возмітє хлєб, — и бросил к нашим ногам целую булку хлеба и тут же сразу ушел.

Мы схватили неожиданный «подарок» и кинулись домой...

- Мама! Дивись — хліб! Німець дав...

Она укоризненно посмотрела на нас, но ругать не стала — мы худющие (кости и шкура) с жадностью смотрели на хлеб. Воспользоваться им так и не смогли — его невозможно было ни разрезать ножом, ни разрубить топором, он даже не размокал в воде. Так и пришлось этот «подарок» выбросить.

В сентябре прошел слух, что школа будет работать. Алешу, Юру и Натусю мама не пустила, а мне, скрепя сердце, разрешила. Два класса до войны я закончила на «отлично», с похвальными грамотами... Учеников было мало и все — заморыши, как и я. Среди учителей — только пожилые женщины, те, кто видимо, не успел эвакуироваться или остался по болезни и не хотели где-то скитаться, оставить квартиру, свой город, а главное — верили в недолгосрочность войны и обязательно с победным концом. Всю жизнь свою, работая, они не допускали мысли, чтобы сложа руки сидеть дома. Конечно, немцы за работу им не платили, но за школами вели наблюдение. Преподаватели чувствовали этот надзор, но не подавали виду. Из моего желания учиться ничего не получилось. Голод, бомбежки, обстрелы и расстрелы не способствовали учебе. За два года оккупации, в общей сложности я посещала школу не более двух месяцев, а значит — никаких знаний.

В третий класс, в который я пошла, поступил и мой сосед Стасик. Он жил в этом же доме, где и я, но только не в подвале, а в нормальной квартире. Поведение его мамы нас настораживало — в ее квартиру часто заходили немецкие офицеры. В такие часы Стасик приходил к нам и сидел до тех пор, пока не уйдет немец. Нам его было очень жалко. Он был такой худющий и, видимо, голодный, так как никогда не отказывался от той баланды из травы, которую ели сами. Мы злились на его маму. Чтобы не знал Стасик, втайне от него ночью приклеивали на дверь его квартиры страницы из тетрадки, в которых всячески ругали его маму. Утром эти листки кто-то срывал, но мы ночью приклеивали новые.

Стасик сидел со мной за одной партой. Учеба ему не шла на ум. Как-то учительница спросила у него:

- Що треба зробити, щоб розділити дріб на дріб?

Уставившись в крышку парты, Стасик молчал. И вдруг за его спиной стал кто-то из учеников подсказывать:

- Щоб розділити дріб на дріб, треба їсти білий хліб.

И Стасик, не вникая в смысл подсказки, автоматически повторил ее слово в слово. В классе наступила гробовая тишина. Учительница широко раскрытыми глазами смотрела на отвечавшего мальчика. Кто-то хихикнул, сначала тихо, в кулак, а потом рассмеялись все ученики. Не удержалась и учительница, но двойки не поставила — понимала, о чем сейчас думают дети, знала, что голодным ребятам — не до учебы.

После освобождения Полтавы я сразу пошла в пятый класс, конечно, имея табеля за третий и четвертый с натянутыми сплошными тройками. До восьмого класса меня, из жалости, учителя переводили из класса в класс... Но в восьмом все же оставили на второй год. Мне было очень стыдно, зато потом дало свои плоды — десятилетку закончила без троек.

Прошел год оккупации... Несмотря на то, что моей маме тогда было только сорок лет, она выглядела на все семьдесят — изможденная, сгорбленная, а болезнь делала свое дело... Во время голодовки на Украине в 1933 году она зимой провалилась в прорубь... Заболела плевритом, который впоследствии перешел в туберкулез. До войны не раз лежала в тубдиспансере. А тут война... Питания никакого, постоянные нервные потрясения... От папы не было никаких известий с фронта... Да откуда им и взяться? И вообще, жив ли он?.. К четырем часам почти каждый день мама ходила в церковь: в двух-трех церквях разрешалось служение.

Так было и в этот день. Перед тем, как пойти, мама прилегла отдохнуть, да и уснула. Вдруг она встревоженно вскочила и тут же стала на колени перед образами и начала молиться. Позже мы узнали, что ей приснился странный сон... Как будто она получила от папы письмо. Самого письма в конверте не было, только зачем-то в него вложены три фотографии: на первой — неизвестный мужчина, на второй — какая-то женщина с перебинтованной рукой, на третьей — отец. Мама перевернула фотографию на другую сторону, а там написано: «Маруся, клянусь тобі, що я жив і здоров». Проснувшись, мама решила, что отца нет в живых и тут же начала молиться. В церковь в этот день не пошла... А поздно вечером в нашу дверь кто-то постучал. Несмотря на военное время, мы не боялись открывать дверь: от немцев не запрещаешь, а пришел кто-то другой — значит, ему или ей это очень нужно. Часто мы дверь вообще не запирали — было больше доверия к человеку, не так, как сейчас. Люди были добрее, сердечнее. В этот раз дверь также была незапертой. Мама подошла к ней и открыла — на пороге стоял неизвестный мужчина... худой, измученный и усталый, в старенькой одежде. Он поздоровался, назвав маму по имени.

- Заходите. Время тревожное... Вы кто?.. Откуда меня знаете? —

спросила она позднего посетителя, всматриваясь в незнакомое и в то же время в знакомое лицо. Хотите кипяточка?.. К сожалению, сахара нет...

- Спасибо... Я ненадолго... Должен побыстрее уйти... Опасно... Могут немцы увидеть, — спешно говорил он. — Я видел вашего мужа... Петра. Он в плену... Наша часть попала в окружение... Колонну немцы куда-то гонят... Если он не убежит — пристрелят... Они всех пристреливают, у кого уже нет сил идти... Он очень слаб... Я убежал... Долго добирался к вам... Шёл только ночью... Ваш муж просил найти вас... Теперь я пошел... До свидания.

Мама первая вышла во двор, огляделась.

- Никого... Идите задними дворами — там немцев меньше... Да они и всех собак давно перестреляли, так что и они вас не потревожат... С Богом...

...Да что собак... Хмурым осенним утром люди проснулись от резких окриков немецких солдат, рыданий детей и женщин... Через щели заборов, из-за занавесок окон увидели, как вдоль улицы гнали стариков, женщин, детей. Малышей матери несли на руках, чуть постарше — цеплялись за подол их юбок, а школьного возраста поддерживали стариков. Колонну конвоировали автоматчики, подталкивая сзади отстающих, и предатели-полицаи. Возможно, среди них был и тот, кто в очереди с ненавистью жалел о том, что им немцы помешали «зашморгнуть всех в мешке». Сам не успел — поможет фашистам... Целый день в городе раздавалась автоматная стрельба — это почти в центре города, возле огромного рва (откуда только он взялся?) расстреливали евреев. К вечеру заполнили его до верха... Алеша, Юра и я дня через три, прячась от гитлеровцев, пробрались в эту часть города. Из-под чуть присыпанного слоя земли торчали руки и ноги расстрелянных. Мы в ужасе бросились бежать, забыв о том, что надо прятаться. Хорошо, что мама не знала, откуда прибежали ее дети...

И гибли не только евреи... Не было дня, чтобы где-то кого-то не расстреляли, сожгли или повесили...

...Стоя у ступенек в подвал, мама смотрела вслед уходящему человеку, которого растворила ночная тьма... Хорошо, что небо было затянуто тучами, спрятав луну. Тишина... Ни немецких окриков, ни стрельбы... Помогли ему, Господи...

Вернувшись домой, заперла дверь... «Где я его видела?» — эта мысль тревожила ее и не давала покоя. До рассвета молилась и, вконец измученная, уснула. Где-то через час проснулась и села на старенькой кровати... Ее осенило... Да это же мужчина с первой фотографии ее сна! Что бы это значило? Мама снова стала молиться... Днем, к четырем часам, собралась на служение... На центральной улице с противоположной стороны увидела группку женщин. Ее, как магнитом, потянуло к ним. В центре незнакомая женщина с забинтованной рукой о чем-то говорила собравшимся. Как только заметили приближающегося немца, тут же стали расходиться. На минуту-другую говорившая задержалась и внимательно посмотрела на маму... Лицо со второй фотографии! О, Боже! Мама ничего не успела у нее спросить, так как незнакомка стала торопливо уходить. Кто она? А может, это просто знак свыше? Забыв, зачем и куда шла, мама медленно поплелась домой... Шла и лихорадочно думала: «Странный сон... Три снимка... Мужчина, что был на первом, пришел сам... Живой... Женщину со второго — встретила... Живую... На третьем — Петя... Значит живой и придет... Но когда?»

...Отец... До революции закончил духовную семинарию и получил сан священника... В годы советской власти до 1925 года служил в храме... Потом голодовка на Украине, и папа уехал на заработки в Белоруссию, забрав нас с собой... Дальше — снова Полтава. Работал шофером и, к тому же, был отличным столяром-краснодеревщиком. Мебель в квартире сделал сам, иногда делал ее на продажу. Мама не работала. По доносу в 1937 году папу арестовали, обвинив в том, что он — бывший священник. Маме не разрешали ни видеться с ним, ни носить передачи. Каждый раз после очередного посещения милиции и отказа, она в слезах возвращалась домой. И я, не сказав маме ни слова, пошла сама в милицию. Тогда мне еще не исполнилось и шести лет. Мама и подумать не могла, что я способна на такой поступок! Возле милиции я с ней не раз проходила. Туда мне надо было идти или нет — не знала. Просто шла спасать папу... Не помню, каким образом очутилась в кабинете начальника. Помню, как я там ревела и стучала кулачками по его столу, просила и одновременно требовала разрешить маме увидеть папу и принести ему еду:

- Ви хочете, щоб мій папа помер? — кричала я сквозь слезы. —

Чому мама не може побачити папу? Чому не дозволяєте приносити йому передачку?

Начальник уважливо і серйозно слухав мене. Потім взяв листок паперу і почав щось писати.

- Возьми и отдай маме, — сказав он и протянул мне листок. — Это разрешение на свидание с твоим папой и на передачи. Хватит плакать... Беги домой...

Всю дорогу я бежала, что было сил. Скатилась кубарем по лестнице в наш подвал, вскочила на ноги и ...просто ввалилась в комнату. Мама испуганно и удивленно смотрела на меня...

- Мама! Мама! Иди до папи! Дядя дозволив! Неси папі скоріше їсти! Ось дивись! — и я вынула из кармана бумажку и положила на стол перед мамой.

Мама уважливо стала її читати. С трудом веря в случившеся, обняла мене и взволновано пожурила:

- Почему мне ничего не сказала? Сама ходила по улицам... Кругом машины... Спасибо тебе... Но без разрешения никуда больше не ходи...

- Та ти ж мене не відпустила б... Я знаю... І зі мною нічого не трапилось... Я хотіла тільки допомогти тобі і папі...

Через восемь месяцев отца выпустили, так как он не выступал с проповедями против советской власти, а просто вел в храме богослужение.

...Маму немцы прозвали «Непонимаю», потому что на все их вопросы всегда отвечала: «Не понимаю». Не раз из-за этого она попадала в довольно критические ситуации... В начале 42 года к нам в подвал спустился немец. Уважливо оглядев нашу комнату, начал что-то по-своему лопотать. Но кроме «Не понимаю» от мамы так ничего и не услышал. Подойдя к стене, где висела Алешина скрипка, снял ее и со словами «засра, засра» унес с собой. Сестра, которая до войны закончила пятый класс и уже начала изучать немецкий язык, взяла словарь, чтобы найти слово «засра». Но такого слова в нем не было. Что оно означало, мы поняли на следующий день, когда фриц возвратил скрипку. Это было просто «завтра».

Видимо, немцам не нравилось, что рядом со штабом находится «действующее» подвальное помещение, так как к нам снова спустился «старый знакомый», бравший напрокат скрипку. На этот раз, сидя

на нашем сундуке, стал насвистывать «Интернационал». Кто он? Почему так себя ведет? Мы исподлобья наблюдали за ним, но никакой ответной реакции не проявляли. Провокация, с целью вызвать нас на откровенность? Или хотел показать, что сам он из пролетариев и презирует фашистов? Не найдя к нам подхода и заметив нашу настороженность, ушел. Но через некоторое время вернулся в сопровождении четырех солдат. О чем-то переговариваясь между собой, они стали выносить куда-то наши пожитки. Не понимая, что происходит, мама, как коршун, налетела на хозяйничающих фрицев.

- Вы что это делаете, выродки? Куда я с детьми? Оставьте нас в покое! — кричала она на немцев, цепляясь за вещи.

Мы кинулись ей помогать и, зареванные, пытались оттащить вещи обратно в подвал.

- Век нах хауз! Цурюк! Шнель! — закричал «старый знакомый», отталкивая нас. — Пшель домой...

Мы спустились в подвал. На нас нашло какое-то оцепенение и полное безразличие к происходящему... А солдаты складывали и вытаскивали наши, никому не нужные шмотки. Сколько прошло времени — не знаю. Мы по-прежнему безучастно стояли в уголочке.

Наконец появился «Засра», но уже без солдат, подошел к нам и стал что-то говорить. Поняв, что это бесполезно, скомандовал: «Ком гер! Ком, ком!» — но, сообразив, что мы никуда не собираемся уходить, стал нас просто выталкивать и погнал к домику, что тоже был в нашем дворе — одноэтажному, на две квартиры и с двумя выходами: один — во двор, другой — с противоположной стороны. Вот к той двери и вел нас «Засра». Сама дверь настезь, а посреди комнаты лежали и стояли наши вещи. Квартира пустая, видимо, прежние жильцы эвакуировались... Мы непонимающе смотрели то на немца, то на пустую квартиру. Она — чужая, пусть лучше нашей, но наш подвал — наш (!) и мы к нему привыкли...

- Лебен зи... Жить... ва...шья... хауз, — махнул немец на квартиру и ушел.

Мы тупо смотрели ему вслед. Что он еще придумал и зачем?

Квартира двухкомнатная... Одна из них — маленькая, вторая — побольше. Окна большой — во двор, маленькой — туда же, куда и

выходная дверь. И все равно в ней как-то неуютно и, казалось, у всех на виду и чувствуешь себя незащищенным от бомбежек. Попади бомба в подвал — он бы не спас, и там домик одноэтажный, перекрытие деревянное, но он был для нас родным...

Немного придя в себя, начали разбирать пожитки, сваленные немцами в кучу. С трудом стали привыкать к чужой квартире и местоположению вещей, но нас все равно тянуло в подвал. Только немцы его заколотили.

Вещи нам тогда переносили итальянцы. Точно сейчас не помню, но мы их, по-моему, определяли по форме, головному убору, манере держаться и разговору. Итальянского языка мы не знали, как и немецкого, но второй — грубее.

Как-то днем к нам постучали. Мама открыла дверь и — три немца. По их жестыкуляции и отдельным словам мы поняли, что один из них будет у нас квартирантом. Как его зовут не сказали — просто «герр доктор». Он был маленького роста, худой и, кажется, не злобный. С нами почти не разговаривал, целыми днями где-то пропадал и приходил только на ночь, запираясь в маленькой комнате.

На второй день «доктор» обратился к маме:

- «Непонимаю!» Бух! Бух!..

- Де? Де бух? — всполошилась мама, подбегая к окну.

«Постоялец» недоуменно смотрел на нее... А она, не увидев в окне «бух», выбежала на крыльцо. У нас перед крыльцом бывшими хозяевами квартиры был установлен турник — два деревянных столба с трубой-перекладиной. Мама решила, что немец увидел, как оттуда сорвался Алеша, тем более его не было дома. Не найдя Алеши под турником, она растерянная вернулась в комнату... «Доктор», не поняв реакции «Непонимаю», снова заперся в своей комнате.

Натуся же, прикрыв рот руками, смеялась.

- Чого ти смієся? — рассердилась на нее мама.

- Так він у тебе книжку просив, — шепотом сказала сестра. — А ти чомусь побігла на двір...

- Він же сказав «бух»! По-нашому це — «упав»!

- «Бух» — книжка... По-німецькому значить — книжка, — все еще смеясь, ответила Натуся.

МУ "Централізована бібліотечна система" Інв. № 71796/19

Старшая сестра с первых дней оккупации старалась не попадаться немцам на глаза и поэтому не рисковала объяснять значение слов в их присутствии. «Наш» квартирант, пожилой человек, на нас смотрел, как сквозь пальцы, просто, как на пустое место: вреда не делал, но и ни разу не дал и кусочка хлеба, как в пословице: «моя хата с краю — ничего не знаю».

В другой раз он почему-то три дня не выходил из своей комнаты. Наша мама забеспокоилась: «Може помер? Тоді и нас повбивають!» Она на цыпочках подходила к его двери и прикладывала ухо, стараясь услышать хоть какой-нибудь шорох. За дверью было тихо. Через некоторое время она снова слушала у двери... И так несколько раз за день.

- Може він уже того...? — шепотом спросила она Натусю, как бы советуясь с ней, что в таком случае делать дальше.

- А ти постукай йому в двері і запитай, чи не захворів він?

- А как спросить?

Мама часто переходила на русский язык. В Полтаве люди на чистом украинском литературном языке редко разговаривали. Чаще всего смешивали украинские и русские слова, только последние выговаривали как-то певуче и мягче.

- «Нихткранк» — это «неболен»... Неперепутай со словом «кальт» — это означает «холодно, холодный»... — объясняла дочь маме, тоже переходя на русский язык.

К тому времени мы знали некоторые немецкие слова, только не мама — она категорически не хотела их знать. Согласившись с Натусей, подошла к двери «доктора», тихонько постучала и робко спросила: «Вы не «кальт»?»

За дверью послышалась возня и голос «квартиранта»: «Вас-вас?»

- Вы не «кальт»? — снова спросила мама. Натуся, тихонько подойдя к ней, прошептала: «Не «кальт», а «кранк», — поправила она ее и тут же спряталась в нашей комнате. Немец открыл дверь...

- Вы «кранк»? — поправилась мама.

- Найн, найн, — ответил он, показывая книгу, и тут же снова заперся в своей комнате...

Не проходило ни одного дня без автоматных очередей и бомбежек. Страх сопровождал нас повсюду. Как-то днем к нам пришел итальянец, из тех, кто переносил наши вещи. Мы все в это время были дома. Ничего не говоря, он прошел в нашу комнату и, увидев Нату-

сю, подошел к ней и стал что-то говорить. Поняв, что она ничего по-итальянски не понимает, стал говорить по-немецки. Сестра удивленно смотрела на непрошенного «гостя»: что ему от нее нужно?.. Потом ее от омерзения передернуло и глаза стали злобными. Неожиданно для нас она резко сказала : «Швайн!»... Это слово знали и мы, и поэтому насторожились. Натуся рассерженно смотрела на говорившего надменного нахала, а тот продолжал говорить. «Ду ист шайзе!» — с негодованием ответила она. Италияшка покраснел, глаза его сузились, губы нахально улыбались... Мама понимала, что запахло «жареным», но что предпринять, не знала. Что говорил мерзавец дочери? Не зря же она назвала его свиньей и говном. Не могла же Настя не думать о последствиях не только для нее, но и для нас всех? А тот не унимался... На очередную его фразу раздалась звонкая пощечина — сестра влепила затрещину распоясавшемуся хаму. Лицо ее пылало от гнева, обиды и стыда, на глазах блестели слезы... Она, как тигрица, готовая к прыжку на свою добычу... Италиянец выхватил пистолет... Он, видимо, не ожидал такого отпора от какой-то девчонки. Мама вскрикнула, подбежала и стала между ними, загоразивая собою дочь.

- Натуся! Что ты наделала? Он убьет тебя! — простонала она.

Молодой италияшка, сверкнув глазами, озлобленно обвел нас презрительным взглядом, грубо по-своему выругался и выскочил из квартиры.

Сестра, рыдая, упала на кровать, зарыв лицо в подушку. Плечи ее вздрагивали... Мама бледная, обессиленная, положила дрожащую руку ей на голову.

- Дочка, что ты наделала? — вновь повторила она...

- Мамочка! Ты бы знала, какую гадость он говорил мне! — сквозь рыдания сказала Натуся. — Был бы пистолет, это я бы убила его...

В последующие дни мы в страхе ожидали трагической развязки... Но, может, мама пожаловалась постояльцу, италиянец к нам не заходил, и вообще мы больше его не видели. Через некоторое время настигла новая беда. Прибежала к нам соседка и сказала, что в городе видела колонну подростков, которых гнали куда-то, и среди них была Натуся. И мама, до сих пор избегавшая немцев, в том числе и «нашего» квартиранта, без стука ворвалась в его комнату и накинулась на него, схватив немца за руку:

- Мою дочь схватили, чтобы угнать в вашу проклятушую Германию! — кричала она. — Зачем вы трогаете наших детей, фашисты проклятые! Верните сейчас же всех детей и Натусю! Чтоб вы подошли, изверги! Вы — нелюди и бандиты!

Доктор долго не мог сообразить, что случилось с «Непонимаю», почему она так кричит, ругается и что от него хочет? Но слова «Натуся» и «Германия» объяснили ему все. Он быстро оделся и куда-то ушел... Часа через два он вернулся...

- Зи... Ва...шья..., «Непонимаю», На...тусья шнель... нах... хауз..., — мешая русские и немецкие слова, объяснял доктор, стараясь успокоить маму. — Аллес... всье...киндер...дъети бежать... Киндер зи фортгеллауфен...

На этот раз и мама его поняла... Поздно вечером пришла Натуся и сбивчиво рассказала, что произошло:

- Ко мне пришла Надя и сказала, что зачем-то вызывают в школу. В школе собралось человек сорок. Нам сказали, что для того, чтобы не угнали в Германию, надо явиться на биржу труда... Сопровождали нас какие-то учителя без немцев. Но одному из учеников кто-то сумел шепнуть, что всех поведут на вокзал, а потом увезут в Германию... Буквально через минуту все школьники об этом знали и по одному стали потихоньку «теряться». Так убежала и Натуся. Учителя не подавали виду, что детей в колонне становилось все меньше и меньше... К вокзалу прибыло не более десяти человек. Грузить в пустой вагон было некого, и остальных детей отпустили. Неправдоподобно... А может, здесь не обошлось без помощи «нашего» квартиранта? Как бы там ни было, после этого мы не боялись «доктора». Он не донесет... Но вокруг — немцы, а значит — и опасность. Поэтому в последующие дни сестра пряталась на чердаке, и только на ночь спускалась в комнату.

Спустя несколько дней, поздно вечером к нам кто-то постучал. Мы уже укладывались спать, только мама молилась у иконы. Квартирант на стук никогда не выходил и не отпирал своей комнаты. Встав с коленей, мама, не торопясь, подошла к двери и, не спрашивая, сняла крючок. В открытом проеме, не решаясь перешагнуть порог, стоял какой-то мужчина. Обросший, с бледно-желтым лицом; на нем, как на пугале, висели какие-то лохмотья — о таких говорят — «восстал из гроба». Впавшие глаза и вымученная улыбка были до боли знакомы.

- Впустите? — тихо спросил он. — Подвал заколочен... Соседка объяснила, где вас искать... Вот я и нашел... Здравствуй, Маруся!.. — он стоял, опершись о косяк двери, не в силах сделать еще один шаг через порог.

- Петя! — чуть слышно выдохнула мама, обняв слабыми руками отца. После минутного замешательства, мы бросились тоже обнимать папу.

- Подождите... Да не вешайтесь на него... Он еле на ногах стоит. И не шумите, — с жалостью и радостью остановила она нас.

- Маруся, помоги... Больше не могу — ноги не слушаются, — попросил он... Помогая отцу зайти в комнату, мы, тоже худющие и слабые, подвели его к кровати, раздели, уложили на постель, укрыв стареньким одеялом. Мама напоила кипятком и поставила разогревать «суп» из крапивы и лебеды.

Стук в дверь, шум и нашу возню услышал и «наш» постоялец. Немец прошаркал тапочками в нашу комнату и устался на отца.

- Вер ист эр? — спросил он у мамы, указывая пальцем на папу.

- Муж... Мой муж, — пролепетала мама...

«Доктор» подошел к кровати и сел рядом. Потом, показывая на перепуганную и побледневшую маму, снова спросил:

-Вер ист зи фюр дих?

- Жена... Моя жена, — буркнул отец, еле ворочая языком...

- Моя жена, — как эхо повторил немец. — Мо-о-я же-е-на?..

- Да не твоя жена, чурбан непонятливый, а моя! Понимаешь? Моя жена! — прохрипел обессиленный отец. Его душил кашель, и он тяжело дышал. Теперь квартирант молча, долго и внимательно смотрел на отца, как бы прислушиваясь к его затрудненному дыханию. Потом поднялся и ушел в свою комнату. Через минуту вернулся, протягивая маме таблетки. Как мог, объяснил, как их принимать, бросив на прощание: «Гутен нахт».

На второй день соседка-старушка, Марфа Николаевна, принесла кастрюльку с какой-то едой — остатки супа из столовой штаба, того, что не доели с тарелок. Как она объяснила, помогала там мыть посуду. Так это или нет, мы не вникали — надо было спасти отца. Суп этот разбавили водой и прокипятили. Нам его мама не давала, да и не хватило бы на всех. Около месяца папа не вставал с постели — у него

было двустороннее воспаление легких. При таком нервном и физическом истощении болезнь протекала в тяжелой форме, и все это время «доктор» приносил для него лекарства, а соседка — суп. Как только миновал кризис, папа рассказал нам, как сумел «бежать» из плена.

После того, как их часть попала в окружение, и красноармейцев взяли в плен, колонну военнопленных немцы погнали куда-то по сельским дорогам. Это случилось, точно не помню где, по-моему, под Киевом, который два раза переходил из рук в руки. Сердобольные крестьяне, не обращая внимания на окрики и автоматные очереди конвоиров, выбегали на дорогу и через заборы бросали или умудрялись давать прямо в руки нашим солдатикам какую-то еду. Эти люди, сами голодные, делились последним, чтобы хоть чем-то поддержать своих. Тех пленных, которые не могли идти дальше и едва шли в конце колонны, а хуже, если совсем отставали, немцы просто пристреливали.

И вот однажды вечером, когда к их ногам полетели из-за заборов морковь, свекла, капуста и даже куски хлеба, пленные нарушили запрет немцев и, стараясь хоть что-то поднять, нечаянно толкнули наклонившегося отца, и он, не удержавшись на ногах, свалился под забором в канаву, заросшую высоким сорняком. В суматохе конвоиры его не заметили и погнали колонну дальше. А увидели бы — просто пристрелили. Видимо отец потерял сознание. Очнулся оттого, что кто-то его дергал за полу шинели и чей-то детский голос над ним говорил:

- Дядю! Ви живі? Тут лежати нельзя... В хаті німці... Ви не шевеліця... Я зараз... Мальчишка исчез. Через пару минут он снова появился с охапкой соломы:

- Лежить тихо... Я вас соломою прикрию, — и снова исчез. Поздно ночью к нему подошла женщина.

- Ви можете встати? — шепотом спросила она отца и, не услышав ответа, продолжала, — ну добре, підождіть трішки. Через некоторое время пришли вдвоем, видимо мать и дочь... Осмотревшись вокруг, разгребли солому, кое-как подняли его и потащили в сарай... Уложив в дальнем углу на солому, прикрыли соломой. Дочка осталась, а мать ушла в хату... Пока девочка обустроивала чужого дядю, мама ее принесла кружку горячей воды и немного поест. Оставили его в полузабытьи, заперев за собой дверь.

На другую ночь женщина увидела, что отец весь в жару и едва может говорить... Ей пришлось довериться местному фельдшеру и тайком привести, надеясь на его помощь и молчание. У папы оказался тиф. Пряча пленного красноармейца в своем сарае, выхаживая его вместе с фельдшером, эти добрые люди тогда рисковали не только своими жизнями, но и своих семей. Они последним делились не с чужим человеком, а с нашим солдатом, попавшим в беду. Он был для советских людей своим потому, что в каждой семье мужья, братья, отцы воевали; может быть (не доведи, Господи!) попадут в такую же ситуацию и им тоже помогут такие же сердечные люди.

Прошло много дней. Мало-помалу отец стал поправляться, и ему необходимо было уходить, чтобы больше не подвергать смертельной опасности своих спасителей.

Фронт гремел далеко, наши войска отступали, и отец теперь был в глубоком тылу у немцев. Чтобы его снова не схватили фашисты, женщина, выхаживавшая отца, достала у сельского старосты бумагу, что он был на окопах. С этой-то справкой папа шел домой. Передвигался только ночью, избегая дорог и крупных поселков, занятых немцами. Старался идти опушками лесов, запустевшими полями. Днем сторожко спал в какой-нибудь заплесневелой от дождей и забытой небольшой скирде соломы, поросшей полынью канаве или воронке от упавшей бомбы. Редко заходил в какую-нибудь хатку, стоявшую на отшибе деревни, и то, если убеждался, что в ней нет немцев. Одежда, в которую одели его, порвалась и склеилась от пота и грязи. Узелочек с продуктами давно опустел. Силы иссякли... Их не было и в начале пути, а теперь — и подавно... Не всегда можно было найти, тем более ночью, на картофельном поле оставшиеся клубни, нащупать в лесу ягоду. Порой встречал местных жителей — и ни разу никто из них не предал и не донес на папу немцам, а всячески старались ему помочь. Так и шел он, приближаясь к Полтаве, семье.

...Подвергать опасности нашу семью отец так же не мог, тем более, что по городу были расклеены предупреждения: «Всех, кто примет в дом кого бы то ни было, укроет или просто — на ночлег, в том числе, немецких солдат, без разрешения комендатуры — расстрел». И папа, еще не окрепший после болезни, ночью ушел. Прятался он, видимо, в деревне, где когда-то служил в храме. Там его знали, как

священника и порядочного, доброго человека, верили ему, любили и ни за что не выдадут фашистам. Где именно находился папа, мы не знали и у мамы не спрашивали. «Чем меньше знаете, тем лучше для всех нас», — говорила мама. Постоялец также не интересовался исчезновением нашего отца.

Иногда к нам навевывались какие-то люди, передавали весточку от папы и приносили небольшой узелочек с несколькими картошинами, парой яиц и луковицей. Заглядывали и бежавшие военнопленные, и мама им помогала, чем только могла, отдавая то, что приносили люди. Однажды вечером — снова стук в дверь. К счастью, «наш» немец в эту ночь не пришел «домой». В квартиру вошли двое неизвестных мужчин. Немецкая форма сидела на них неуклюже, будто с другого плеча... К маме обратились на немецком языке, но и тут чувствовалась какая-то неуверенность. Из того, что они говорили и жестикулировали, поняли, что им нужен ночлег.

- Как я вас впущу? Для этого необходимо, чтобы вы в комендатуре получили разрешение... Без него немцы расстреляют и нас, и вас... — с опасением объясняла им мама.

- А вы разве донесете на нас? — на чистом русском языке спросил один из них.

- Боже упаси!.. Никогда!..

- Ну, тогда все будет хорошо... Никто ничего не узнает, а мы утром уйдем...

Чуть погода в темном небе послышалось прерывистое гудение наших самолетов. В этот час ежедневно начинались бомбежки города. Вой и взрыв бомб, хлопанье зениток, шарящие лучи прожекторов разметали в клочья ночную темень. Мы никогда не прятались в бомбоубежище, куда всегда убегал квартирант, хотя я не припомню, было ли оно вообще, а прятались под кроватями. На этот раз нам было не до кроватей... Странные немцы по одному или сразу оба куда-то уходили, а, вернувшись, сидя на крыльце, о чем-то шептались. На рассвете они действительно скрылись. Кто такие и зачем к нам приходили? Мы терялись в догадках, но так ни к чему и не пришли. Одно было хорошо: наши снова потрепали немцев, «доктор» не видел «гостей», и мы пока живы... Предполагали, что это партизаны и их интересует немецкий штаб.

Все бомбежки города обходили нас стороной, так как бомбы сбрасывали в других районах и кварталах Полтавы. Но эта ночь превратилась для нас в крошечный ад. Прямо над нашим двором повисла осветительная ракета, и стало видно, как днем. Этот фонарь светил ярче солнца, ослепляя все вокруг, высвечивая малейшие детали построек, а главное, территорию, где расположились гитлеровцы, их штаб, транспорт во дворе «Палаты мер и весов» и даже возвышенность Белой беседки с прожекторами и зенитками. Вой падающих бомб раздирает и глушит уши, их разрывы потрясали наш домик до основания, как при сильном землетрясении. От взрывной волны стекла окон рассыпались на мелкие кусочки и вместе с рамами влетели внутрь комнаты, поранив осколками Алешу и Юру. Натуся спряталась под стол, я залезла под кровать, а мама едва успела присесть за ее быльце, положив на голову подушку. Печь развалилась, дверь сорвало с петель, воздух наполнился дымом, пылью и еще какой-то гарью.

«Нашего» немца мы не видели, да и было не до него. Весь этот кошмар длился не более двадцати минут, но нам показался он вечностью. Тишина, которая наступила, и темень после ослепительного света ракеты казались еще зловещее и страшнее...

Из своих укрытий мы вылезли только тогда, когда услышали, как нас кто-то звал:

- Вы там живы? Марья Ивановна! Откликнитесь, если вы живы!

Страхивая с себя стекло, обломки оконных рам, мы осторожно подошли к бывшему окну, зияющему черной дырой в черную ночь. Со стороны двора к нам заглядывала соседка, а посреди двора валялись распростертые, как нам тогда показалось, тела убитых.

- Кого убило? Кто там лежит на земле? — в ужасе и с состраданием спросила у нее мама.

- Из наших никто не погиб и не ранен... Среди двора лежит железо с крыш, сорванное и искореженное. Зато у немцев такое творится!.. Штаб и здание, в котором они жили, наши разбомбили... Туда попало несколько бомб... Немцы оцепили свою территорию, никого туда не подпускают...

- Спасибо Тебе, Господи... — перекрестилась мама.

Утром мы сами решили убедиться в том, что случилось. Действительно, дома, где располагались немцы, полностью разрушены.

От «Палаты мер и весов» наш двор отгораживал кирпичный забор. Вот он-то и принял на себя удары осколков разорвавшихся бомб. Часть их улетела вверх, над забором, и не попала в окна одноэтажных домиков, не ранив и никого не убив. Спасибо нашим летчикам за точное попадание.

Гитлеровцы три дня разбирали развалины, вытаскивая из-под груд досок и кирпича тела раненых и убитых, грузили в подъезжавшие машины и куда-то отправляли. «Наш» квартирант появился днем, собрал свои вещи. Уже с чемоданом в руке зашел к нам:

- Ауффидерзейн, «Непонимаю», — устало и озабоченно произнес он и тут же ушел. Больше мы его не видели, да и сам штаб куда-то переехал. Юра, Алеша и я, теперь уже не боясь немцев, побежали к беседке, к тому месту, где были зенитки. Но там вместо них и прожекторов зияли глубокие воронки. Конечно же, мы обследовали и развалины зданий, надеясь найти хоть что-то съестное, но все напрасно — там уже проверили до нас такие же голодные ребята. Гораздо позже мама на улице встретила одного из тех, кто просился перед бомбежкой на ночлег: «Здравствуй, мать! Спасибо вам за помощь»... — и исчез.

Отремонтировать жилье, конечно, не было никакой возможности. А тут какой-то врач-стоматолог предложил нам переселиться в пустующую квартиру в другом конце города. Объяснил он тем, что нашу и соседскую приведет в должный порядок, устроит в них зубной кабинет и сам туда переселится. Нам же он и помог переехать, а вот сумел ли сам осуществить задуманное — не знаю. Вряд ли...

Эта квартира была также в одноэтажном домике. Кроме нас жила в нем еще одна семья. Двор, огороженный деревянным забором; во дворе — длинный деревянный сарай, чердак которого до половины заполнен щетиной. Отец узнал, где мы, и изредка поздно вечером нас навещал или кто-нибудь приходил от него. Шел 43-й год, второй год оккупации.

По всему было видно, что наши войска вот-вот освободят Полтаву. Стали зверствовать эсэсовцы. Наперевес с автоматами они ходили вдоль улиц, заглядывая в каждый двор, и подряд всех расстреливали. В соседнем дворе убили не успевших спрятаться жильцов. Через дорогу уничтожили схоронившихся в саду женщин, стариков и детей. Рядом

в доме через стеклянную дверь в упор расстреляли безногого сапожника. За углом убили врача, выстрелив разрывной пулей в затылок. Врачей, которые по каким-то причинам не смогли эвакуироваться, не трогали, но они обязаны были носить на рукаве белые повязки с красными крестами. Теперь их тоже уничтожали. Вокруг слышались автоматные очереди, крики, рыдания и стоны.

И надо же было, что именно в эти дни пришел отец. Утром он хотел мне починить сандалии, в которых отвалилась подошва — обувь нашу он всегда ремонтировал сам. И только папа уселся, надел сандалию на лапку, как раздалась на улице стрельба. Старшая сестра влезла в шкаф. В нем специально оторвали заднюю стенку, за которой находилась незапертая дверь к соседям. Сами соседи, опасаясь немцев, заранее скрылись в деревне, а нам оставили ключ от этой двери. План у нас был простым: чтобы через шкаф Натуся могла пробраться к соседям в комнату; потом через их окно выбраться в полуметровый проход между нашим домом и глухой стеной рядом стоящего дома, а оттуда по лестнице — в сарай — и зарыться на его чердаке в щетину. Для Юры и прятавшегося у нас военнопленного красноармейца на кухне мы раньше выкопали яму, а сверху ставили огромный ящик — сундук со всяким ненужным хламом. В эту-то яму они сразу же влезли, а я, Алеша и мама закрыли ее сундуком. Папа едва успел залезть на крышу, распластавшись на ней. Напротив стоял двухэтажный дом, и если бы каратели поднялись там на второй этаж, они, конечно же, увидели его и убили. Мама, я и Алеша предварительно распахнули калитку, будто немцы уже были в нашем дворе, и сели на крыльце у порога. На что мы надеялись? Просто собой хотели отвлечь фашистов от остальных и тем самым спасти их. Вдруг в калитке появился молодой эсэсовец и направил на нас пистолет. Мы худющие, грязные, зарезанные, в лохмотьях были хорошей неподвижной мишенью, так как никуда не собирались убежать.

- Опустите головы, — прошептала нам мама, — не смотрите на него. И начала читать молитву. Так мы в шоковом состоянии, ожидая выстрелов, просидели несколько минут. Вдруг Алеша дернул маму за платье:

- Мама, німця немає! — заикаясь, сказал он.

Мы не верили своим глазам — немца не было... Пожалел?.. Может, мать свою и младших братьев и сестер вспомнил? Как бы там ни было — не убил... Слава Тебе, Господи, за спасение и Твое покровительство. Мы остались живы. Офицер, видимо, шел после солдат, проверяя их «работу», так как после него ни один ээсовец не появлялся.

До того, как оставить город, гитлеровцы понавозили на перекрестки улиц гнилую солому и чем-то ее полили, а потом подожгли. Эти кучи не горели, а просто дымили, заполнив воздух едким, удушливым дымом. Кроме этого, они подожгли почти все здания. Недалеко от нас горела хлебопекарня, напротив — склад нефтепродуктов, в конце улицы — Красные казармы. Обливали бензином и поджигали жилые одноэтажные домики. Мы в страхе ждали своей очереди. От дыма нечем было дышать, а треск горевших зданий был такой, как будто горел один огромный костер-то в дыму и пламени уничтожалась Полтава. Фашисты даже пытались разрушить памятник Славы, чтобы с вершины его забрать и увезти в Германию бронзового орла.

Памятник Славы поставлен в центре города в честь исторической победы под Полтавой над шведами 28 июля 1709 года — на том месте, где состоялась торжественная встреча победителей с мужественными полтавчанами и храбрыми воинами полтавского гарнизона. Он представляет собой чугунную колонну высотой 11 метров, почти двухметровую в диаметре, венчает которую большой орел, обращенный в сторону поля Полтавской битвы. По красоте своей памятник уникален. Сжигая город, гитлеровцы не могли не обратить на него внимания, а значит, и он подлежал уничтожению. Как они тянули танками и тягачами эту колонну, чтобы свалить ее! Ничего у них не получилось... Она не то, что не сдвинулась с места, но даже не наклонилась.

Нервы мои, десятилетней девчонки, сдали. Ночью я сонная вскакивала с кровати и с криком: «Горим!» выбегала на улицу. Меня ловили мама и старшая сестра и, держа за руки, непроснувшуюся и плачущую, укладывали снова в постель. Позже мама возле моей кровати на ночь ставила тазик с водой. И когда я снова с криками схватывалась, чтобы выбежать, ногами попадала в воду и тут же просыпалась. Ночные кошмары меня преследуют и сейчас...

23 сентября 1943 года наши войска освободили Полтаву. В 5 часов утра мама вышла во двор и открыла калитку на улицу. Город от дыма был как в густом тумане, из-за которого не видно не только то, что вокруг, но и самого себя. Закрыв платочком нос, иначе невозможно дышать, она сделала шаг за калитку и едва не наступила на что-то мягкое, видимо — чье-то тело. Мама в испуге вскрикнула и отпрянула назад.

- Не бойтесь, мамаша, свои... — услышала она голос из дыма. — Успокойтесь... Я — красноармеец...

Чтобы дышать, наши солдаты вынуждены были лежать на земле...

На второй день после освобождения города я пошла в тот двор, где мы раньше жили. Приближаясь к краеведческому музею, увидела толпу. Лучше бы я к ней не подходила... На тротуаре у входа в музей лежали заживо сожженные тела... девяти человек... Среди них женщины, мужчины и дети... От огня кожа на них полопалась, внутренности вывалились на тротуарные плиты и ... совершенно обнаженные. Кто-то по центру тел прикрыл их полосой белой ткани. Рядом стоящие люди плакали, а меня вырвало. Невдалеке сидел, видимо, художник, стараясь перенести эту трагедию и человеческие страдания на бумагу... Я забыла, куда и зачем шла, и, словно очумелая, побежала домой. А вокруг — черные стены сожженных домов. Таким же был и краеведческий музей — храм истории и культуры Полтавы и области. Это старинное здание с прекрасной архитектурой, единственное в своем роде, фашисты уничтожили.

В середине 1944 года, когда немцев изгнали за пределы нашей страны, и сражения шли в Польше, Румынии; когда казалось, что ни одна бомба больше не упадет на Полтаву, вдруг город снова превратился в ад. Сотни тонн немецкого смертоносного груза обрушились на наши головы, на истерзанный город. Только на ту улицу, где мы жили, их упало более десятка. Бомбили город, как нам казалось, без всякой цели. Некоторые бомбы упали рядом с церковью, но сама церковь уцелела. Только в 2004 году я случайно увидела и услышала по телевизору документальный фильм, в котором показывали и рассказывали о единственном в Советском Союзе аэродроме для американских бомбардировщиков. Местом для такого аэродрома Ставкой был выбран мой город — Полтава и именно после его освобождения от фашистов.

С этого аэродрома американцы, загрузившись бомбами, вылетали и наносили удары по немцам за пределами нашей страны. Гитлеровцы долго не могли понять, откуда и куда возвращаются американские самолеты. И все же выследили. Армада немецких бомбардировщиков (наши не ожидали этого) ночью налетела и стерла в порошок весь аэродром вместе с самолетами и нашими людьми, что обслуживали эти самолеты. Все американские летчики остались живы! Оставшиеся бомбы немцы сбрасывали на город.

Я смотрела этот фильм, и меня душили слезы: вот мой, полностью уничтоженный город; вот американцы, угощающие детишек конфетами, измученных, чудом уцелевших в этой бойне. Меня поразила фраза американского летчика: «Я не могу себе представить, как сумели выжить эти люди, и искренне верю, что такие люди выстоят и победят». Это не дословная фраза. Но смысл ее был именно такой.

Я, спустя много лет после Победы, смотрела и плакала. 1941-1944 — годы непосредственных истязаний и моей семьи, всех полтавчан и самой Полтавы; годы, когда на всю жизнь запомнили запах смерти, крови, гари, вони помоек. Когда вой бомб, свист пуль, разрывы снарядов, скрежет танков, плач детей, стоны раненых, проклятья в адрес фашистов на всю жизнь остались в ушах, мозгу, душе и сердце.

Столько крови, невосполнимых утрат... Сколько городов и сел в развалинах... Сколько потеряно исторических ценностей, уникальной архитектуры зданий и памятников культуры — и все это надо было еще пережить, восстановить и никогда не забыть. Потом — послевоенные голодные годы. Не думайте, что бывшие дети войны забыли те тяготы, что нервы у них восстановились. Чудом выжившие, оставленные на произвол судьбы тогда, а теперь, ставши стариками, — снова никому не нужные. Погибни они в войну — не вспомнили бы. Нет «трудового стажа» детей-малолеток в оккупации — и в старости не заслужили ничего, даже поздравления с Днем Победы. Так были ли вообще — дети войны?.. «Был ли» вообще «мальчик»?

Победа! Как мы ее ждали... В 3 часа ночи нас разбудил стук в окно и громкие голоса: «Выходите! Победа!» Мы выбежали на улицу и увидели «море» факелов. Люди плакали, смеялись, обнимались, целовались. Непривычное освещение поразило нас. До этого запрещалось любое освещение: занавешивались окна, чтобы изнутри не видно

было, даже в щелочку, никакого света. А тут — распахнутые окна и небывалый свет! Победа! Это — день нового рождения к жизни, новых надежд, забытых улыбок. Рыдали о погибших и неважно где: в тылу, в бою, замученных или убитых... Потеря — остается потерей, страдания и боль — одинаковы, не было предпочтений ни по возрасту, ни по национальности, ни по статусу — горе всех объединило и сроднило; мы были как клетки одного организма. Я не приемлю и сейчас гнуснейшей пропаганды некоторых о превосходстве одной нации над другой. Все мы — равны.

...В 1985-м году, когда я работала в Мегионском НГДУ, в канун 9 Мая к нам в художественную мастерскую зашли две молодые женщины, медицинские сестры. Мы (нас было четверо) спешили закончить оформительские работы к празднику Победы, и эти женщины, по долгу службы — люди милосердия, пришли за праздничными планшетами. Осмотрев мастерскую, увидели подарки, закупленные для ветеранов войны. Глаза у них от зависти округлились.

- Подумаешь, ветераны, — язвительно изрекли они. — Их же не убило! Они вернулись живыми! За что же им еще что-то дарить? Я посмотрела на их презрительные физиономии: не ослышалась ли? Медсестры, забрав планшеты, уязвленные, направились к выходу. А мне так хотелось догнать их и надеть им на голову эти планшеты. Как же запросто эти людишки плюнули в души оставшимся в живых и мне. Неужели в их пустых головах только мертвые достойны уважения? Не думаю. Таким наплевать и на погибших, и на выживших... Не вернись никто живым, родились бы эти «сестры милосердия» вообще?

И теперь, спустя много лет, некоторые юнцы мечтают, чтобы в их городе поставили памятник Гитлеру. Что же случилось с нашими детьми и внуками?! Дети войны, испытавшие все ее ужасы, многие из них потерявшие в этой бойне здоровье, своих родных и близких, подымавших страну из пепла, чтобы потом их дети нормально росли и жили, были добрыми, милосердными и не жестокими, вдруг (слава Богу, не все) предали погибших, обрили головы и проповедуют гитлеровскую жестокость, убийства не только на словах, но и на деле. Они гордятся фашистской свастикой на своих рукавах, свастикой на их «Знамени». Разве эти молодые люди, мечтающие о памятнике извергу-Гитлеру, не напоминают нам не такие уж далекие годы кровопролитной войны?

Разве мы забыли и забудем каркающие выкрики фашистов: «Хальт!», «Хенде хох!», «Цурюк!», «Шлиссен!», «Рус швайн!», «Рус капут!» — и автоматные очереди, виселицы, печи концлагерей? Разве такими мы хотели видеть своих детей? Это — новые войны, новое горе, новое истребление поколений. Разве Господь нас этому учит?

Часто спрашивают, почему нервы не в порядке? Почему так больно ранят оскорбления, равнодушие, подлость, предательство, жестокость, грубость? Такие вопросы не задают те, кто пережил войну, видел и испытал то, что довелось перенести нам — детям войны...

Отец и мать

Школьная фотография Таисии Петровны

Краеведческий музей

Белая беседка

Краеведческий музей

Монумент Петру I

Памятник «Слава»

Братская могила Российских воинов

**Пожежа на пристані Кременчук,
що була підірвана фашистами. Вересень. 1941 р.**

Руїни Полставської поліграфічної фабрики. Вересень 1943 р.

Бої за полтаву. 22 вересня. 1943 р.

Радянська далекобійна артилерія веде вогонь на підступах до Полтави. 22 вересня. 1943 р.

Руїни панчійної фабрики в Полтаві. Вересень. 1943 р.

**Перші радянські газети – жителям визволеної Полтави.
23 вересня. 1943 р.**

Радянський воїн Іван Щербаков на почесній варті біля Червоного прапора, піднятого на обеліску Слави в день визволення Полтави. 23 вересня. 1943 р.

Памятник нескореним потавчанам. 1974 р.

**Мемориал Солдатской Славы в честь воинов Советской армии,
партизанам, подпольщикам**

СТРЕЛЯЮТ – БОЮСЫ

Моему внуку Витеньке 2 годика. Говорит еще плохо, но понимает все. Любит слушать сказки. Но когда я ему рассказываю сказку о Красной Шапочке, стараюсь не говорить о том, что Волк съел бабушку.

- Дернул Волк за веревочку, и дверь открылась, — рассказываю я. — Увидел Волк бабушку, положил ее в мешок, завязал и спрятал под кроватьку...

Так я стараюсь изменить все те места сказок, где кто-то кого-то съел или убил. Зачем крохе забивать этим голову?

Если Витенька «смотрит» по телевизору фильмы о войне (собственно, он только мельком смотрит на экран), его совершенно не тревожат разрывы бомб и выстрелы.

И вот наступил День Победы. Днем малыш с мамой гулял, а вечером, когда я стала укладывать его спать, вдруг раздались выстрелы, вздрогнули стекла окон. На улице грохотало, хлопало, трещало — это был салют в честь Победы. И сразу я вспомнила тот далекий День Победы 1945 года. Мы так ждали его... Сообщили по радио ночью... Все плакали, смеялись, обнимались, целовались и с факелами выбегали на улицу. В ночном городе, где долгие 4 года даже в квартирах боялись зажечь «карбидку» и занавешивали окна, полыхали огни факелов Победы...

И вот очередной салют... Но из наших окон праздничных огней не было видно.

Витенька, которого я уже уложила в кроватьку, вдруг вскочил. Он весь дрожал и округленными глазенками в испуге смотрел на окна.

- Баба, баба! Дядя стелляет! Витя боится!.. — лепетал, заикаясь, малыш, — Витя боится!

Я взяла ребенка на руки, и он дрожащими ручонками обвил мою шею, вжимаясь в меня всем своим худеньким тельцем.

- Не бойся, Витенька, это салют.

И тут же подумала, что для него не знакомо это слово, и что эти выстрелы «вживую» он тоже слышит впервые. Как же его успокоить?

Поглаживая внука по спинке, села с ним в кресло. Малыш только неделю назад перенес операцию, и я волновалась, как бы испуг не навредил его здоровью.

Напевая колыбельную, осторожно уложила Витеньку в постельку, укрыла и села рядом. Милый, милый ребенок...

Через несколько минут он уснул, поджав под себя ножки. А я смотрела на него и думала: «Откуда этот ребенок знает, что когда стреляют — страшно? Почему он так боится выстрелов? Инстинкт? Предчувствие?»

Знаю одно: когда стреляют — действительно, страшно. Это естественно. Это противно логике жизни!

А также вспомнила, как когда-то, в молодости, наивно писала стихи, посвященные только что родившемуся племяннику:

Он совсем малютка, до того хорош:

На отца немножко и на мать похож.

Часто идут споры: «На кого же сильней?» —

Да пусть подрастет он — там будет видней.

Неумело, нежно мать берет сынка —

Ой, хотя б не больно, как дрожит рука...

А пока спокойно, крепко может спать.

Счастье сохраняют тебе и отец, и мать.

Не увидишь, милый, никогда войны.

Счастье сохраним мы всей нашей страны.

Прошли годы. Я стала бабушкой. Но сколько за эти годы матери потеряли своих сыновей то в Афганистане, то в Чечне... О Боже, сохрани наших детей и внуков от взрывов, выстрелов, ненужной жестокой смерти в аду кромешных войн. Спаси, сохрани и помилуй нас, Господи, пожалуйста! Умоляю Тебя, вложи в нас разум и мудрость, чтобы все разногласия разрешались мирным путем, а не огнем; чтобы брат не поднял руку на брата. Недаром говорится: все люди — братья не только по крови, но и по разуму. Вразуми же нас, Господи, удержи руку враждующих!

Жизнь — колесо фортуны, обозрения:
Внизу — все то, чем одарила мать,
Но подымаясь — вспышка вдохновенья,
А ближе к небу — Божья благодать.

2007.04.20

Боже, нас благослови!

Я хочу, чтоб в мире этом
Взрослые и наши дети
Жили в радости и счастье,
В понимании, согласи,
Бед бы не было, печалей...
Господи! Мы так устали
От жестокости и злобы...
Благодать нам дай...И чтобы
Хлеб насущный был у всех.
Раздавался детский смех.
Равнодушие пропало,
И любовь не угасала.
Пусть пришедший Новый год
К Богу всех нас приведет:
Без Него, Его прощенья,
Покровительства, спасенья,
Милосердия, любви
Жизни сгубим мы свои.
Бог — есть сила, мудрость наша,
Рог обилия и чаша,
Храм души, насущный хлеб —
Он спасёт от многих бед.
Так помолимся Ему,
Так поклонимся Ему
И попросим: «Боже, мой!

Поведи нас за Собой.
Дай здоровья нам и веру,
Крепость духа, чтоб поверить
В добро, совесть и любовь...
Чтоб струилась в теле кровь,
Согревая нам сердца...»
С покаяньем мудреца
Склоним головы свои:
«Боже, нас благослови!»

2006.12.27

Ах, старость...

Ах, старость...Что ни говори,
А плечи хочется расправить,
Помолодеть хоть изнутри,
От болей бы себя избавить

И с поднятой ходить бы головой,
Не думать о насущном хлебе,
И не идти с протянутой рукой
И объяснять его потребность,

Чтоб знать заслуженность свою:
По правде жил, работал честно,
Самоотверженно, всегда — в строю,
Пусть даже и не стал известным.

Ничем не оскверняли мы
Себя, других, свою Отчизну;
И в годы мировой войны
Не поддались, не приняли фашизма.

Так где бы нам здоровье взять,
Преодолеть все страхи, слабость,
Тревогу, боль, тоску унять?
О Боже, дай нам мудрость, радость!

Ах, старость... Ты не говори,
Что тяжесть лет нам давит плечи —
В стране к нам не нашлось любви...
И сказ тут весь... Нужны ли речи?

2003.09.09

Шел 41-й год...

Беда нависла над страной,
Как тучи грозовые:
Разрывы бомб, снарядов вой —
Потоки огневые.

Шел 41-й год, июнь...
Веселые ребята,
Нарядные, влюбленные в зарю
И в счастье веря свято.

10-й класс — выпускники
Шутили, танцевали,
Еще живые и не узники,
Любили и мечтали.

Не думали они тогда,
Что бал тот был последний —
Не повторится никогда
Для них рассвет тот летний.

Война, как смерч, подхватит их,
По аду разбросает —
Отчизна милая для них
Ареной боя станет.

Кровавая, жестокая война —
Вся жизнь вдруг под ударом.
И комсомольцы, как стена,
С отцами стали рядом.

Какое мужество детей,
Какие стойкость, смелость!
Вера в Победу с первых дней
Ребят — героев, верность!
И дрались насмерть в битве той
За Родину, свободу,
За матерей, за дом родной... —
Им — до 17-ти от роду.

Сражаться сердце позвало
Девчат, юнцов безусых —
Погибшие, смертям назло,
Живы всегда в живущих.

И не было предателей-детей,
Средь комсомольцев, пионеров...
Их храбростью гордились все —
Отцы-герои стали им примером.

2004.06.17

Победа с нами!

Земля вздыбилась от ударов,
Взметнулась кровью и огнем —
Всё в воздухе перемешалось
С осколками, телами и комьём.

Кровавой массой рухнет вниз,
Останками солдат, орудий,
Всё похоронит: стон и визг,
Пропитанные смертью груды.

В дыму, сквозь скрежет, взрывы, вой
Медсестры тянут на шинелях
Израненных, ведущих бой —
Иссякли силы, но в Победу веря...

И падают от вражьих пуль,
Закрыв собой, кого спасали...
Даст Бог — найдут и их спасут,
А нет — с бойцами погибали.

Без сна, голодные шли в бой...
Кто выжил, тот врага разгромит;
Раз жив — не обделен судьбой:
И кто-то их напоит и накормит.

Пусть хлеба нет и негде взять —
Печные трубы, черные от гари,
Как памятники изб стоят...
Не пощадил враг малых, старых.

Но надо выдержать и зубы сжать,
И бить фашистов неустанно...
Нас не сломить, страну не взять!
Есть вера — и Победа с нами.

К Берлину гнали — логову врагов,
Чтоб не забыло поколение:
Не запугать ни матерей, отцов.
И дети, Родина не станут на колени!

2004.05.09

Я сам не рад...

Опять осколок шевельнулся
В войну оторванной ногое...
От дикой боли развернулся,
Не понимая: что с ним? где?

Плечом уперся в стенку рядом...
Огонь вокруг, сдавило грудь.
Разрывы, крик и свист снарядов,
В мозгу — лишь автоматов стук.

Он закричал, схватил гранату:
«Ну, гады, получите! — и швырнул, —
Не сдамся идолам треклятым!» —
В небытие и сам нырнул.

Очнулся лишь на дне окопа:
«Ура! Я всё-таки попал...
Заткнулись вражки пулеметы...», —
Размазывая слезы, прошептал.

И вдруг услышал тихий голос,
Знакомый, нежный — из войны:
«Ты, Васенька, уже не молод —
Полвека видишь те же сны.

Пролом всё ищешь в стенке слева
И на пол сбросил телефон...

Смотри — аж пальцы побелели,
Всю месть вложил, разбив плафон!

Там, за окном, гроза лютует,
Стучится ветками в окно,
Рокочет гром и салютует...
Война ж закончилась давно», —
Так говорила жена мужу,
Со лба его стирая пот,
Войну прошла с ним и к тому же
Спасла, когда тот бросился на дзот.

И он печально улыбнулся:
«Я сам не рад... Душа не спит...
Мало того, каким вернулся,
Еще изгадил сны мне фриц.»

2004.05.10

Вера — рубеж последний

Годы войны — то годы испытаний
Для всех, без исключения, в стране,
Годы тревог и годы ожиданий
В тылу, на фронте — как в бредовом сне.

От сна избавиться ты можешь,
Хоть весь в поту, и в теле дрожь...
Война не сон: уйти не сможешь —
Врага, чтоб выжить, сам убьешь.

Всё — наяву... В объятьях смерти...
И, испытав всю боль сполна,
В уме одно в жестокой круговерти:
«Дай силы, Бог! Будь проклята война!»

И «треугольники» — залог надежды,
Как нити тонкие к родным:
«Был ранен. Жив...И ждем поддержки...
Ты верь и жди. Вернись живым».

Так зыбки связи в сумке почтальной,
И сам он вестник и добра, и зла:
От радостных — душа спокойна,
От тяжких — горечи полна.

Бывает «без вести пропавший» —
И в чудо веришь — жив пока...
Но как-то почтальон уставший,
Принес ей «похоронку» на сынка.

О, сколько страшных «похоронок»
Вручил за годы той войны —
И каждый раз: крик, плач и стоны
Детишек, матери, вдовы.
И сам свою частичку сердца,
Он оставлял с бумагой злой...
К себе известие о смерти
Надежно спрятал от жены родной...

На месяц — два... Быть может, годы...
Он все же будет ждать детей:
Двоих убили? Быть не может! —
И плачет, вспоминая сыновей...

Мечту лелея о спасеньи,
Не веря в гибель и злой рок...
Вера его — рубеж последний...
Но слез своих унять не мог.

2004.06.20

Баллада о матери

1.

Война... И проводила мать
В ту неизвестность воевать
Трех сыновей, мужа и дочь...
Но как теперь ей им помочь?
С мальцом куда, зачем идти?
Что делать? В чем себя найти?
Дрожат от бомб дома, земля,
Под пулями фашистскими — семья...
Как там они! И живы ли?
Вокруг идут жестокие бои:
Горела, рушилась страна,
В душе на клочья рвалась и она.

2.

Был музыкантом старший сын —
В кого пошел среди них один?
Другой — врачом, детей лечил...
О, как детишек он любил!
А меньший, как отец и мать,
Хотел сам педагогом стать...
Вот дочь как кошка, что вольна себе,
(угодно было, видимо, судьбе),
Наперекор родным, презрев запрет,
Вдруг родила в 16 лет.
Пусть — малолетка, мужа нет —
Неверен был... Простыл и след...
А вскоре грянула война...
Мать удержать их не вольна —
Не испросив, ушли... В чем обвинять?
С дитём осталась мать страдать.

3.

Прижавши к сердцу внука своего,
И из-за слез не видя никого,

А колыбельную в молитву превратив,
Поет ребенку набаюканный мотив:
«О, дай нам, Бог, врага разбить,
Дай силы выстоять и победить,
Живыми пусть вернутся поскорей —
Молю Тебя за мужа и детей!»
И редко приходили письма ей —
Короткие, но нет тех слов родней:
«Фашистов бьем, и жив пока...
Целую нежно. Жди сынка»
И вдруг, как молния, удар клинка,
Ей «похоронку» дали на сынка.
Потом — другая, третья... На троих!
«О горе! Нет сынов моих?!»
Несправедливо! Потом — дочь...
Где взять ей силы горе превозмочь?
Знал бы отец...Но жив ли он?
Как долго не приходит почтальон...
Заголосила б, подняла бы вой,
Да так, чтоб Гитлер поплатился головой!
Но рядом с ней кровиночка — внучок...
Лишь стоны извлекал войны смычок...

4.

А год спустя приснился странный сон:
Пять писем ей приносит почтальон...
В конвертах — фотографии родных,
В военной форме, радостных, живых...
И не хотелось просыпаться ей —
Все целовала мужа и детей,
Шептала им: «Я верила, ждала...
Моя любовь от смерти вас спасла!»
А может, внуку снится тот же сон:
Во сне то плачет, то смеется он,
И тянется ручонками обнять
Ее, как будто рядом его мать.

5.

Война закончилась. Седая и больна
Ждет неустанно с фронта всех она —
Не может, не смирится с тем,
Что больше не увидит их совсем.
Нет взрывов бомб — ведь нет войны,
Но от гнетущей в доме тишины
Так тяжело — не слышно голосов
Родных, их смеха, добрых слов.
Да и ребенок не заменит ей
Ни мужа, ни семьи, детей.
Он бабушку стал «мамой» звать...
Ребенок дочери! Но что ему сказать?

6.

Недавно вызвал лично военком...
Прикрыв седые волосы платком,
Заторопилась... Переводит дух...
Как онемела... Потеряла слух...
И не могла понять, что хочет генерал...
Он что-то говорит... Зачем позвал?
И тот умолк. И предложил воды:
«Вас понимаю — в шоке от беды...
Геройски пали ваши сыновья...
И муж, и дочь... Скорблю и я.
Посмертно все награждены...
Вот ордена... С Победой поздравляем мы...»
Как дома очутилась, как дошла —
Не помнит... Слышит: «Мамочка пришла!
Проснулся... Долго тебя ждал...
Где ты была? Я плакал и сучал...»
Обнявши худенькие плечики его,
Решила, что пока не скажет ничего —
Так хрупок мир детской души...
Но как свою боль в сердце заглушить?

7.

И на колени став пред образами,
Слова молитвы вылетали сами:
«О Господи! К Тебе претензий нет —
Фашисты породили смерть:
В огне сжигали города,
А пуля-дура — изверга-врага...
Пропитанная кровушкой земля...
Все матери просили, за детей моля,
Произносили имена бойцов:
И дочерей, сынов, отцов.
О, сколько одинаковых имен!
Не сотни — тысячи! Иван, Семен,
Олег, Андрей, Татьяна... Не понять,
Так за кого из них молилась, плача, мать:
Но я по-прежнему надеюсь, жду,
Я жду и верю, что вот-вот придут...
Что б ни случилось с ними на войне,
Их образ осязаем, жив во мне...»

2004.08.07

Забить не смогут

Еще дымились домов груды,
Еще пылали, как костер.
От смерти спасшиеся люди
С тревогой ждали приговор.

Что им готовила судьба?
Какие страхи еще будут?
В глазах исплаканных мольба:
«О Боже! Дети нас осудят!

За то, что не спасли их мы
От испытаний непомерных,

От мук, от ужасов войны,
И предали фашистской скверне»

От дыма город как во мгле —
В ней и себя совсем не видишь,
И прижимаешься к земле,
Через мокрую тряпицу дышишь.

Мать как-то рано в сентябре,
Тихонько отворив калитку,
На что-то натолкнулась на траве,
От неожиданности вскрикнув.

«Не бойсь, мамаша...Здесь свои...»
Мать охнула и на колени встала:
«Сыночек! Милый! Век живи!
Не ранен? Наконец дождалась...»

Нащупав голову его,
Под нос подсунула тряпицу:
«Дыши, родной...Нужней всего
Тебе напиток бы водицы...
Я принесу...» Хотела встать,
Но ноги непослушны, вялы...
В глазах темно... «Что, мать?
Едва жива? Откуда силы брали?»

Помог... Поднял. Завел во двор,
Держа за высохшие плечи:
«Прости меня... Не ставь в укор,
За то, что погибали дети...

Освобождал поселок свой...
Теперь его нет и в помине:
Он черен, только смерти вой...
Как перст — один отныне...»

Скорбел боец, рыдала мать...
И нечем угостить в дорогу...
И живы ль будут — Богу знать...
Но этого забыть не смогут.

2005.08.23

Я точно знаю

Я точно знаю, как Победу
Все ждали и стремились к ней.
Тот день и час нам был неведом,
Но верили душой своей.

Сквозь слезы шли и разрушенья,
Через потери, смерть и кровь
Жестокими были сраженья,
Чтобы защитить страну, любовь.

И дрались за детишек наших,
За тех, кто голову сложил,
За жизнь и счастье живых, павших,
За тех, кто миром дорожил.

Средь всех гражданских праздник этот
Важнее праздников иных:
Погибли б, не родились дети,
Коль веры не было б в самих.

Не должен стать сей день в забвеньи:
Победа — мужество людей,
Он — память нам и поколенью,
Он — доблесть, стойкость страны всей.

Поклон от нас живым, погибшим,
Кто на смерть шел против смертей;

И детям, детство потерявшим,
Победу ждавшим с первых дней.

Подвергши страшным испытаниям,
Им искалечили всю жизнь.
Немыслимые боль, страдания
Принес с войною нам фашизм.
Поклон отважным отцам, братьям!
Поклон всем женщинам войны!
И искренне должны сказать вам:
«Победу не забудем мы!»

Но если враг решит жестокий
Унизить нас и растоптать —
Любовь к Отчизне, дух высокий
Россию смогут отстоять.

2006.03.28

Я ненавижу (от имени внука)

Войну я видел на экране,
По телевизору, в кино.
Там убивают всех и ранят
Детей и взрослых заодно.
Дома взрывают и сжигают,
Стреляют, мучают людей,
И кровь, как воду, проливают..
Я не хочу ничьих смертей!
Я ненавижу эти войны!
Мы в мире, в дружбе жить должны,
В любви и радости, достойно..
Жестокость, злоба не нужны!

2005.04. 25

Помните!

Отгремели бои...
Сколько дней они длились!
Сколько крови и слез
рекой пролилось...
Как много народов
Богу молилось:
«Спаси нас, Господь,
защити от угроз!
Взбесившийся враг
возомнил себя Богом
И уничтожить
решил он людей. —
Арийская раса
должна стать итогом
Его «барбаросских»
безумных идей.
Сколько невинных
сгубил монстр проклятый,
Сколько беды
от злобной руки!
Слюной изошедший
зверь бесноватый
Залил страны кровью
уму вопреки...».
Услышал Всевышний —
дал мудрость и силу,
Окрепла Отчизна,
стерла врага,
Мощью своей
его разгромила,
Зло уничтожив,
как ураган.
Прошу: «Род людской,
цени жизнь в согласьи,

Не разрушайте
веру в любовь!
Помните, сестры!
Помните, братья! —
Жестокость сердец
несет смерть и кровь.
Представьте себя
на месте другого,
Как вашу семью
кто-то убил,
Неужто хотите
детям такого,
Когда ваш ребенок
и жить-то не жил?!
Зачем распри нам
и ад тот кромешный?
Что нам делить,
Жизнь забирать?
Она коротка,
мы же не вечны..
Бог учит любить —
не враждовать!
Лучше для всех
не потери, а встречи!
Доброта, нежность —
и не страдать!»

2005.05.05

Вечен ты

Под деревьями в рощах,
У дорог, городов,
На лугах и в поселках,
После страшных боев,
До сих пор — безымянных,
Превратившихся в прах,
Любимых, желанных
Погибло солдат.

Нет надгробий — лишь травы
Да деревья шумят...
Все — равны, и все — правы:
Сын, отец или брат..
Нет теперь и различий:
Рядовой, генерал —
Каждый был их них личность,
За страну воевал.

И совсем — то не странно,
Что проходят года,
Вновь и вновь неустанно
Ждут их, ищут всегда.
Сколько б лет ни минуло,
Жаждают близкие, мать
Знать, что с ними случилось,
Хоть могилку сыскать.

Лишь свидетель случайный,
Если жив, вспомнит бой...
(это было не тайной,
И не занят собой)
Не спросили об этом,
И кому рассказать? —
Безымянные дети,
Имя всем — наш солдат.

А теперь он покажет
Холм, заросший травой...
Вспомнит также и скажет:
«Шел неравный здесь бой...
Но врага задержали, —
Ведь приказ был такой.
Высоту отстояли,
Заслонили собой...»

Мать поклонится сыну —
(как печален тот миг)...
Для нее он единственный,
О нем сердце болит...
Нет границ для надежды,
Нет преград матерям...
Она сыщет Олежку,
Пусть путь долог, не прям...

«Милый мой, — ему скажет,
В душе образ храня, —
Мир сейчас мне не страшен,
Не боюсь и огня...
В довоенные годы
Были счастливы мы...
Ты в шестнадцать от роду
Не бежал от войны.

Тяжела мне разлука
И я буду страдать...
А тебя Земли руки
Приласкали, как мать
В мыслях я себя тещу,
Что ты рядом со мной,
Пусть невидим, но прежний
Мой сыночек, родной.

А сейчас над могилой —
Обелиск из имен...
Как же много фамилий!
Твоя — так же — на нем...
И свежа наша память...
И зимой здесь цветы...
Не убьют и не ранят,
И душой вечен ты...»

Вот так каждая мать,
Если сможет еще,
Будет к ней приезжать,
Другой плача в плечо...
Утрет слезы с лица,
Чтоб не видел сынок...
Верят: Бог (их мечта)
В рай погибших возьмет.

Все достойны они
Счастье в нем отыскать...
Тебя просит все дни
За бойцов павших мать.

2005.05.14

Не было 6 Победы

Война кошмарным адом,
Как смерч, обрушилась на нас,
И бомбы смертоносным градом
Все в клочья рвали в смертный час.
Пощады не было от смерти...
Горели села, города...
И пытки ада не заменят
Военных пыток в те года.

Там грешников, убийц карали,
А тут они вершили суд:
Сжигали все, уничтожали,
Чтоб покорить, убить наш люд..
Но поднялся он за свободу,
Ему рабом быть не под стать,
В боях российскому народу
Нет равных, преданней, как мать.
Как конь, вздыбилась вся Россия:
За каждый дом, родную пядь
Насмерть стояла, «нет той силы,
Чтоб покорила и смогла сломать!»
Пусть говорят, что при советах
Мы угнетенными росли..
Но те, кто дрался беззаветно,
Жить на коленях не смогли б:
Тогда б страну не защищали,
И не было б такой любви,
Собой её не заслоняли,
Жизни не отдали б свои.
Отчизна, Родина, Россия
Оплотом стала в час войны:
Без веры были б мы бессильны,
И не было б Победы для страны.

2007.04.20

День Победы

День Победы!
Сколько жизней забрала война!
День Победы!
Сколько бед принесла она...

Изможденных, непокорных,
Духом сильных, Русью гордых
Не сломила, не скорила,
Не распяла нас она.

День Победы!
Грудь подставили врагу...
День Победы!
Защитили, не умели быть в долгу
Перед Родиной, любовью,
Пред страной, залитой кровью,
Пред детьми и стариками,
Пред погибшими друзьями.

Не позволим
Мы врагам нас растоптать...
Не позволим
Наши семьи угнетать...
Бог поможет, как помог нам в тех боях,
Даст нам силу, чтоб Россию отстоять.
Тот, кто любит, никогда не предаст...
Не осилить весь великий наш народ.

Будем помнить
День Победы – день святой...
Будем помнить
Сердцем, разумом, душой...
Не забудем мы потерь и детских слез,
Не забудем тех, которых не вернешь.
Матерь Божья, Ты – Покров наш и страны,
Россияне – Твои дочери, сыны.

2007.04.16

Много лет спустя

Что связано с войной,
Забыть я зря старалась.
То черной полосой
Навек со мной осталось.

И много лет спустя
Мы ждем, чтоб день стал светел,
Чтоб жили все не зря,
Чтоб живы были дети.

Чтоб не было войны,
Чтоб в счастье люди жили,
Но беды нас, увы,
Так жить не научили.

2005. 09. 29

Повинна ли я?

Повинна ли я в том,
Что немец занял город?
Повинна ли я в том,
Когда душил нас голод?
Повинна ли я в том,
Что нас свои бомбили? —
В войну были никто,
Нас, как щенков, забыли!
Мы, дети той войны,
Живой мишенью стали
Для немцев и своих..
О чем же думал Сталин?

Кто нам вернет сейчас
Здоровье, веру, детство,
Когда фашистов мразь
Болезнь дала в наследство?
Когда топтали нас
И пулями встречали,
А коль остался жив,
Свои не привечали...
Мы были не в тылу —
Нас смерть, как смерч, кружила,
В недетскую войну
Нас бросили в горнило.
«Овчарками» потом
Немецкими прозвали
С презрением... За что
Нам в душу наплевали?
За то, что через нас,
Коверкая нам жизни,
Кровавая война
Нас бросила на тризну?
И тысячи сапог
Пинали и давили,
Кто не добил кого,
Тех голодом морили...
И что же? Кем теперь
На старости мы стали?
В войну не чли детей —
Таковыми и остались...

2005.09.29

Молитесь, матери!

Прости, Всевышний, Иисус Христос,
За то, что «сорвалась» я, не сдержалась —
Обидно, больно, не скрываю слез,
Что с нами, стариками, случилось?!

Мы — дети страшной и губительной войны,
Нас беспощадно жгли в ее горниле,
И хочется спросить властей страны:
«Вы помните о нас или забыли?»

На плечи детские и хрупкие легла
Жестокость тех военных лет.
Но непомерно тяжелой ноша та была
Для слабых, исхудавших плеч.

Как тень, ходила смерть, не отставала,
Тянулась к нам костлявою рукой,
И лишь молитва матери спасала:
Она с молитвой заслоняла нас собой.

И выжившие дети, как перекасти — поле,
Что ветром гонит по сухой степи,
На старости своей с душевной болью
Вдруг поняли: не могут и сейчас спасти!

Тогда война калечила им души,
Морила голодом и убивала их.
Теперь нас губит равнодушие
И бессердечие чиновников иных.

В войну гнилье мы ели из помоек...
Какая ж участь нас потом ждала?
В летах преклонных подбираем крохи,
Те, что упали с барского стола.

От взрывов бомб мы содрогались в детстве,
Теперь — от безразличия вокруг.
Мечтали о Победе над злодейством,
Что радость, счастье в дом войдут.

Терпели мы и со смиреньем ждали,
Когда поймут и облегчат нам жизнь.
Нас с невниманием и холодно встречали:
«Не беды это — эгоизм, каприз!»

Как будто нас и не было на свете,
Мы — вымысел, и это пустяки...
Что ж вас забыли, мученики-дети?
И ныне вы — страдальцы-старики...

Не думалось тогда нам, что когда-то
Мы, в стариковской немощи своей,
Забыты будем... Верили мы свято,
Что будут помнить о страданиях детей.

Но для меня великий День Победы
Был, есть и будет торжеством над злом!
Молитесь, Матери, желая счастья детям,
Лишь верой в Господа от гибели спасем.

2007.07.22

Они не погибли

Всмотритесь в деревья: ели, осины,
Березки и клены, плакучие ивы,
Растущих везде по дорогам войны,
Где вечно остались бойцы сиротливо.

Деревья — бойцы после войны
Поднялись из пепла, стоят горделиво.

В этих деревьях — души погибших
Отцов и детей, защищавших страну,
То — матери, жены счастливо живших,
Павших в ту мировую войну.

В них — души родных, любимых и близких,
Кто насмерть сражался в жестоком бою.

Стройные сосны, дубы — великаны,
Черемуха, вербы, вишни в саду —
Отцы не ушли, они всегда с нами
В мирное время, как раньше в строю.

От нас не ушли: в деревьях восстали,
Они не погибли, опять как в строю.

В годы войны плечом к плечу дрались,
Теперь они рядом снова стоят,
От нечисти лютой нас отстояли,
Там ныне — деревья, где пали в боях.

Нас отстояли, стойко держались...
Теперь на земле той деревья стоят.

Не надо рубить, а им поклонитесь,
У них дети есть, растет молодняк,
На нас не похожий, но соки землицы
Как нам, так и им силы дарят.

Мы благодарны сокам землицы
За то, что всех поят и силы дарят.

В садах и лесах растёт поколение,
Наши там предки, память, любовь...
В долгу перед ними мы за Победу,
За жизнь, за страну, за пролитую кровь.

Мы вечно в долгу перед павшими всеми —
Так подарите свою им любовь.

Пусть на ветвях вьют гнезда птицы
И пением их славят, благодарят,
Пусть плодоносят, белка резвится,
Цветы, поросль, травы их окружают.

Они той войны — жизни страницы,
Прошу: «Берегите деревья-солдат!»

Они заслужили любовь, почитанье,
Они продолжают нас защищать;
Так не скрывайте слез и волнения —
То дети и сестры, отец, брат и мать.

2004.05.08

Помним

Бабушки и дедушки — мудрость любой нации,
Жизнь свою прожившие, отдыха не знавшие.
Тружеников годы вихрем пролетели,
Засверкали радугой, дождевой капелью.

Помним те зори,
Нежные встречи,
Полей просторы,
Июньский вечер.

Верили, любили, счастьем наслаждались,
Мечты белокрылою птицею взлетали.
Столько светлых планов, столько веры было,
Но война незваная всё собой закрыла.

Помним те слёзы,
Мамины руки,
Канули грёзы
В тот час разлуки.

Точно ворон черный, смерч неумолимый
Над страной промчался и унес любимых.
Судьбы исковеркав, разметал по свету,
Жили все под смертью: взрослые и дети.

Помним те годы
Великих сражений,
Голод, невзгоды,
Победу, свершенья.

Отчизну из пепла, верили, подыдем...
Тогда еще в детстве стали мы седыми...
Честно все трудились, как и воевали,
Родиной гордились, стариками стали.

Помни, Россия,
Нам лет немало,
Здоровье и силу
Тебе мы отдали.

Богатства не надо:
Верую жили...
Было б отраднo,
Что нас не забыли.

2001.03.27

Чужой

Был праздник – 23 февраля...
Как и когда-то чтим мы эту дату:
В Союзе – Красной Армии хвала,
Теперь – Российскому солдату.

Славят по радио бойцов,
По телевизору – все то же на экране:
И кинофильмы – про дедов, отцов,
Про войны с немцами, в Чечне, Афгане.

И песен о войне не счесть,
О службе репортажи и героях –
Что предусмотрено, все есть...
Но, что с солдатом после боя?

В «горячей точке» отслужил,
Не избежав кровавой бойни,
Домой вернулся, еле жив,
Но в памяти – все те же войны.

Убит морально...Как же жить?
И плохо с нервами...И нет работы...
Уснуть бы, выспаться, забыть,
Но мозг не спит: в нем долбит что-то.

Приходит к Храму он один
И, стиснув голову руками,
Сел в снег... Он трезв. А перед ним
Погибшие предстали сами.

И не стыдясь своих он слез,
Рыдает громко, точно в детстве.
Он молод, что ему мороз?
Бездушие – то же злодейство!

Гуляют, празднуют, поют
И где-то пьют, и взрывы смеха ...
Он не у дел в родном краю:
Другим — чудак, война — потеха.

Зачем ему такое торжество,
Когда здесь никому не нужен?
Зачем медаль за мужество его,
И станет ли отцом он, мужем?

О чем рыдал у Храма молодой?
О чем душа кричала и болела?
Там был герой, а здесь чужой...
Только у Господа терпенье без предела...

И сил нет больше «воевать».
И с кем? С чинами в кабинетах?
Не могут! Не хотят понять
Трагедию солдата, человека.

2004.05.22

Вернитесь живыми домой

Мальчики... Как выросли дети!
И мамам приходится вас провожать,
Мальчики, как трудно невестам,
Когда перед ними жених и солдат.

Мальчики, как трудно невестам
Ждать с нетерпением возврата ребят.

Служба...Военная служба...
Она и нужна, и опасна всегда...
Горды вы солдатскою дружбой.
Не предавайте любовь никогда.

Горды вы солдатскую дружбой —
Любовь сохраните к ней навсегда.

Мальчики...Идете вы строем —
Мы замираем, глядя на вас,
Знаем, чего вам это стоит —
Четко печатать каждый свой шаг.

Знаем, чего вам то стоит —
Службу нести и печатать свой шаг.

Вы повзрослели: задумчивы речи,
И взгляд суровый, сжаты уста:
Тяготы жизни легли вам на плечи,
Ушло ваше детство, и юность ушла.

Тяготы службы легли вам на плечи,
К вам мужество, стойкость и верность пришла.

Пусть тяжела срочника служба —
Дали присягу на долг свой святой;
Не забывайте: жестокость всем чужда,
И матери ждут вас живыми домой.

Не забывайте — жестокость не нужна,
Вы с совестью чистой вернитесь домой.

2000.11.23

Сдается мне...

Сдается мне, что было то вчера —
События так ярко оживают:
Мы — дети, мать подавлена, больна —
Отца на фронт все провожают.

На нас тревожный бросив взгляд,
Поцеловал, всех обнял он в тот вечер...
Вокруг о чем-то тихо говорят,
За здравие зажегши свечи.

А вскоре город сдан был наш —
Два года, как в аду, горели...
И окрики: «Цурюк! Шнель! Швайн!»
И убивали фрицы... Не жалели...

От голода кружилась голова...
Бомбили нас и немцы, и свои же...
Мы прятали осколки под кровать,
Что падали и решетили крыши.

Дотла обуглены, разрушены дома...
Мы «жили», как кроты, по норам —
Днём немец мучил и стрелял,
А ночью наши молотили город.

Рыдали: «Наш своих убил!» —
Бомбы «своих», «чужих» не выбирают...
Мы — «щепки» там, где шли бои, —
Когда «лес рубят», их не замечают.

Да и сейчас, чрез много лет,
Кто выжил — стариками стали...
Всё детство наше соткано из бед,
Да и теперь мы «щепками» остались:
Не труженики тыла мы,
Не воевали в малолетстве —
Мы отщепенцы для страны...
Повинны в чём, что отдали нас немцам?

Мы — пленники, заложники войны —
Все испытали: беды и злодейства...

Услышь, Россия, стариков мольбы:
«Здоровье с нами распрощалось в детстве!»

Мне не дают забыть то сны...
И явь — не лучше сновиденья...
Нас отвергают как детей войны
Мы и на старости — в забвеньи.

2004.10.25

Ты монстр! (события в г. Беслане)

Коль ты богат и любишь свой народ,
За что на смерть его толкаешь?
Упрямо врешь: «Аллах вас ждет» —
И грех самоубийства предлагаешь...

Умри, мол, сам, но уничтожь других,
«Неверными» которых называешь,
Что ж шкурой дорожишь и прячешься за них,
Земную жизнь превыше ставишь рая?!

Свое богатство нищим бы раздал,
От голода и смерти их спасая...
Помог бы выжить... Смерть не предлагал...
Не шел по трупам, кровь не проливая.

Взорвись ты сам и превратись-ка в прах —
Чужую жизнь ты ни во грош не ставил...
Но прежде помолись — может, простит Аллах...
Грехи превысят! Ты живешь, лукавя!

Ты одурманивал, обманывал людей,
За смерть сулил вознаграждение...
И им платил, чтоб расстрелять детей, —
Убийцам нет от матерей прощенья!

Ты знал, на что всех предрекал,
Себя ты ставил выше Бога,
Чужою кровью землю заливал —
Взорвись! И в ад тебе дорога!

Ты — монстр! Ты хуже всех зверей!
Ты с человеком только внешне схожий,
Ты жить не должен среди людей —
Аллах тебе — судья! И люди — тоже.

2004. 09. 27

Жизнь — одна..

Жизнь — одна...
Любовь отдайте детям и сполна.
Жизнь — одна...
Когда вы любите — любовью одарит она.
Бегут года...
Так будьте милосердными всегда.
Бегут года...
Не предавайте Бога никогда.

Проходят дни —
Пусть радостью наполнятся они.
Проходят дни —
Любовь, надежду, веру сохрани.

Часы летят —
Пусть счастьем светится твой взгляд.
Часы летят —
Потерянные не вернуть назад.

Мгновение — и нет его...
Из малого — большое торжество.

Мгновение — секундам счет,
Оно позор или триумф несет.

Любите жизнь...
Что дано Богом — оцени, держись.
Цените год...
Дай счастье людям — и к тебе придет.

Цените час —
И никогда не подведет он вас.
Цените миг —
Ведь наша жизнь вся соткана из них.
Судьба у нас
Тянется с детства и по смертный час.
И вечный спор:
«Хорош ли будет собственный узор?»

2004.09.13

Любить должны

Какая радость! Сын родился!
Какое счастье — внучок!
Мать и отец дитем гордился,
И дед любил его как мог.

Растили, холили, учили
Быть добрым, честным пареньком —
И ни о чем не позабыли —
Чтоб стал достойным мужиком.

И вырастет, и возмужает,
Отслужит в армии потом,
Любим родными... Уважают
И любят все, кто с ним знаком.

Кошунственно, что называют
«Дедами» в армии иных,
И новобранцев унижают,
Как коршуны, напав на них.

И слово «дед» залили грязью,
Их мудрость растоптали вмиг.
Очернено отпетой мразью...
Скажите, деды есть у них?

И почему жестокость бродит
Средь тех, кто должен защищать?
Парней-солдат своих же громят
И заставляют их страдать!..

Нет общего таких с дедами,
И предали они дедов,
Отцов забыли... А годами —
Такими, как призывников.
Год отслужили — озлобились,
Всю месть вложили в кулаки...
А раньше ими ведь гордились,
Поддержки ждали старики.

Кулак — не сила, а жестокость.
Кулак — беспомощность сама,
Не воспитание, а похоть...
От этого сойдешь с ума.

Чтоб не терпеть все униженья,
Не отслужив, бегут сыны...
Когда ж наступит пробужденье —
Ведь армию любить должны!

Все трудности б преодолели
И за страну пошли бы в бой.
Но как ребят заставить верить
В почетность службы, где разбой?!

2005.11.29

Чтоб стало всем лучше

Под ласковый ветер подставим лицо —
И радует нас он своим дуновеньем.
Обдаст ароматом нежных цветов,
Приносит блаженство в такие мгновенья.

Уводит с собой на поля и луга,
И косы расчешет зрелой пшеницы.
Чуть зыбью покроется в речке вода,
Приворожит и даст нам напиться.

Но вдруг ветер вздрогнул и в гневе рычит,
Забился, помчался, драконом завывши.
Кружится смерчем и в бешенстве мчит,
Ломает, уносит сорвавшие крыши.

Вот так человек: обидишь его —
Из тихого, нежного станет бедою;
Не помня себя, никого, ничего,
Вдруг разразится ливнем, грозой...

Как важно беречь нервы других,
Людей уважать и жить душа в душу,
Быть щедрым и нежным, любовь сохранить,
Чтоб не было бурь и стало всем лучше.

2001.07.03

Во имя кого?

Во имя кого, во имя чего
Багровы закаты Сибири?
И красные грозди во имя кого
Усеяли грозди рябины?

Во имя кого, во имя чего
Радуга, сполохи в небе?
Биенье сердец – твоего, моего,
Цветущие котики вербы?

Во имя кого, во имя чего
Сливаются трели с зарею,
Взлетает душа, в имя кого
Сизый туман над землею?

Во имя Любви, во имя Добра,
Во имя Творца, вдохновенья,
Для созидания в штиль и в буран –
В Гармонии – мир, упоенье.

2003.09.05

Сам останется ли цел?

Без грозы грохочут громы,
Небо чистое, без туч...
И горит все не от молний,
Не от солнца яркий луч.

Не природная стихия
Жжет и рушит все вокруг..
Если против войн бессильны –
Отомстит природа вдруг.

От пожаров почернели
Обгоревшие сады —
Там, где раньше птицы пели,
Лишь останки их судьбы.

Где тут жизни взяться, счастьем? —
Задохнулись в том дыму...
Гибнет все — война у власти...
Как же люди не поймут?!

Только ворон одинокий,
Наблюдая с высоты,
Все окинул зорким оком —
Много у него еды.

Птах заблудший от испуга
Ночью вскрикнет, запищит —
Может, потерял подругу.
То ли что-то заболит..

Все: природа, звери, птицы,
Непричастные к войне,
В шоке: Как могло случиться?
Враг себе сам человек!

Все, что было — уничтожит,
Никого не пожалел,
Зависть только, злоба гложет —
Сам останется ли цел?

2005.05.21

Спешу творить добро

Спешу творить и излучать добро,
Спешу помочь и помощи, чем можешь,
Всем тем, кого настигло зло
И от него избавиться не может.

Споткнулся кто — подставь плечо,
С пути копь сбился — укажи дорогу,
С молитвой помощи, не забывай еще:
Сила в молитве, обращенной к Богу.

Молитесь за обиженных детей
С великой верой. О прощеньи
Взывайте, матери, ведь нет сильней
Молитвы вашей и к Всевышнему стремленья.

Мы так грешны пред Господом своим,
Что ужаснемся перед жизненным итогом.
Спешу ж творить добро — добро другим —
И милосердия вымаливай у Бога.

Не ради благодарности твори,
Не мудрствуя лукаво о спасеньи.
От сердца чистого его благодари —
У Господа не будешь ты в забвеньи.

И Он услышит вас, и Матерь Божья,
И руки помощи протянут вам,
Придут на зов и в горестях помогут.
Только всегда твори добро и сам.

И в сердце вашем воцарится радость,
И духа бодрость, сила, благодать —
Вознаградит Господь за вашу щедрость,
Раз сущность человека оправдал.

2000.02.02

Ценить, беречь...

Завистливость и жадность
 порождают злобу;
У равнодушного —
 нет чести, доброты;
Итог: жестокость и убийства, чтобы
В себе увидеть
 хищника черты.
С холодным сердцем,
 потерявши совесть,
С оскалом зверя,
 когти распустив —
Как бешеные псы,
 что сворой или порознь
Набросятся на жертву,
 потерявши стыд.
О Боже, сохрани, спаси планету
И возроди любовь,
 людскую доброту —
Что может быть
 чудеснее на свете:
Ценить, беречь земную красоту!

2007.05.12

За что мы любим?

За что мы любим запах трав?
За что мы любим белый снег?
За что мы любим тень дубрав
И ручейка быстрый бег?

За что мы любим девственность глуши
И листьев шорох, птичью песню
Среди ветвей в предутренней тиши,
Что рвется высоко в небесье?

За что мы любим раннюю росу,
По ней ходить, вдыхая ароматы?
Дыханье ветра, майскую грозу,
Трель соловья и дождевые капли?

За что мы любим всплески волн
И солнца лик, в них отраженный;
Церковный колокольный звон,
Перекликающийся со Вселенной?

За что мы любим детский смех,
Счастливые улыбки на их лицах?
И хочется обнять, понять нам всех,
Взлететь на радугу, в ней раствориться.

За чудо – вечный сердца зов
К Всевышнему, природе, человеку,
За ту гармонию, созвучие без слов,
За единение души, лучей и ветра.

2004.04.10

Богат – не тот...

Дай целомудрия, Христос,
Смиренномудрия, терпенья,
Чтоб не пустить нам жизнь вразнос,
Дай кротости и озаренья.

О, научи узнать грехи,
Которых мы в себе не видим —
В душу ворвавшихся стихий
От пустословия не слышим.
Не дай нам праздности ума,
Уныния, любоначалья —
От этого сойдешь с ума,
А от гордыни — любованье...

Грешим, не ведая того,
О долге, чести забывая.
И не вникаем: где же зло? —
Зато других жить поучаем.

Добротолюбие, любовь
Поверхностно воспринимаем,
Как ширму, для обманных слов,
Но милосердия не знаем.

И на своем земном пути
Мы убиваем, топчем правых..
Но тщетно — счастья не найти,
Где зависть, унижение слабых.

От жадности своей грешим —
Богатство стало всех дороже.
В душе становишься пустым —
И по-другому жить не можем.
О Господи, дай разум нам,
Даруй нам мудрость и согласие —
Богат не тот и счастлив сам,
А тот, кто всем приносит счастье.

2007.02.24

Содержание

Война и детство.....	5
Стреляют – боюсь!.....	44
Боже, нас благослови!.....	46
Ах, старость... ..	47
Шел 41-й год.....	48
Победа с нами!.....	50
Я сам не рад... ..	51
Вера – рубеж последний.....	52
Забутть не смогут	57
Я точно знаю	59
Я ненавижу (от имени внука).....	60
Помните!.....	61
Вечен ты.....	63
Не было б Победы	65
День Победы.....	66
Много лет спустя	68
Повинна ли я?.....	68
Молитесь, матери!.....	70
Они не погибли	71
Помним	73
Чужой	75
Вернитесь живыми домой	76
Сдается мне... ..	77
Ты монстр! (события в г. Беслане).....	79
Жизнь – одна... ..	80
Любить должны	81
Чтоб стало всем лучше	83
Во имя кого?	84
Сам останется ли цел?	84
Спешите творить добро.....	86
Ценить, беречь.....	87
За что мы любим?	87
Богат – не тот... ..	88

Адартасова Таисия Петровна

**ВЕРА,
МУЖЕСТВО,
ПОБЕДА,
ЖИЗНЬ...**

Компьютерная верстка Е.С. Данилова

Подписано в печать _____ 2011 года.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Объем 2,5 уч.-изд. л., 5 усл. печ. л.
Бумага офсетная. Гарнитура «Literatumaya».
Заказ № 299. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ООО «Печатное издательство Агро-Сибирь»
Новосибирск, ул. Никитина, 155, тел.: (383) 267-19-90, 264-00-72
e-mail: agroprint@mail.ru

96p.

96p.